

Г. Е. КОЧИН

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА РУСИ С КОНЦА XIII ПО КОНЕЦ XV в.¹

Конец XIII столетия — начальный момент изучаемого нами периода истории сельского хозяйства — является временем, когда после тяжелой катастрофы, вызванной нашествием монголо-татар и разорением страны в первые десятилетия господства Золотой Орды, народное хозяйство на Руси вновь стало поправляться и входить в нормальную колею. «Бог же пополюх тогда по всей земли зол, сами бо себе людие не ведаху, кто где бежит от страха»,² — писали летописи о времени Батыева нашествия. Полчища врагов разоряли Русскую землю, разрушали города, оказывавшие сопротивление города сжигали, а некоторые из них и совершенно стирали с лица земли. То же делали и с сельскими поселениями — хлеб забирали, уничтожали, скот угоняли. Население уводилось в плен. Некоторая часть его успевала бежать и скрывалась от татар в глухих лесах. Затем, в первые десятилетия по установлении власти Золотой Орды, следовали походы татарских военачальников для окончательного покорения русского народа, для подавления всяких попыток к сопротивлению. Тяжелая, непосильная дань, насилия и грабежи, чинившиеся баскаками и сопровождавшими их отрядами военной охраны, разоряли и опустошали страну.

¹ Данная статья является сокращенным вариантом главы II «Земледелие в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси с конца XIII по конец XV в.» большой работы автора «Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского государства (конец XIII — начало XVI в.)». Основные положения этой статьи были изложены в докладах на Секторе феодализма Института истории АН СССР в июне 1956 г. и раньше на Группе истории СССР в ЛОИИ (в декабре 1955 г.).

² ПСРА, т. XXV, стр. 131, запись под 1239 г.; ПСРА, т. I, Лаврентьевская летопись, вып. 2, изд. 2. Л., 1927 (далее: Лаврентьевская летопись), стр. 470. — В летописи монаха Лаврентия вся эта фраза в подлиннике написана киноварью.

Епископ владимирский Серапион писал в 70-х годах XIII в. в своих поучениях: «Се уже к 40 летем приближаеть томление и мука и дане тяжькыя на ны не престануть, глады, морове живот наших; и всласть хлеба своего извести не можем».³ В другом же месте он говорит: «Кровь отец и братья наша, аки воды многа землю напои... множайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша».⁴ И это не было преувеличением. Бежавшее население из-за угрозы нового появления татар не решалось возвращаться в родные места. Сельское население находило спокойные для жизни места, а в случае опасности убежища — в лесных массивах под защитой глухих дебрей и болот. Оставляя родные места, оно заводило хозяйство в новых, нередко в очень отдаленных районах.

Материалы об орудиях обработки земли свидетельствуют о начавшемся еще в X—XI вв. в лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси наступлении на подсеку и постепенном распространении полевого пашенного земледелия.⁵

Переход от подсеки к полевому пашенному земледелию означал коренную ломку всего производственного земледельческого процесса. К трудностям по превращению дремучих лесов в пахотные поля присоединялась очень сложная задача по повышению плодородия бедных питательными веществами подзолистых почв, по обеспечению на новых пахотных полях более или менее устойчивых высоких урожаев.

Для выполнения первой задачи требовались лишь физическая сила и напряженный, настойчивый труд. Намного сложнее вторая задача. В условиях подсечного земледелия применялось выжигание лесного участка. Зола делала его плодородным на несколько лет, а дальше следовали переход и подготовка подсеки на новом участке. В условиях полевого пашенного земледелия повышение урожайности, обеспечение ее устойчивости кардинально решаются лишь применением паровой системы, внесением удобрений на поля. На пути дальнейшего развития сельского хозяйства стоял — как неизбежная мера — переход к паровой системе земледелия, к трехполью.

Характер дошедших до нас источников таков, что было бы напрасно искать среди них прямых указаний на состояние сельскохозяйственного производства; приходится довольствоваться лишь тем, что можно уловить в случайных намеках или

³ Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Приложения, II, стр. 5.

⁴ Там же, III, стр. 8.

⁵ Вопрос об орудиях обработки земли подробно рассматривается автором в § 1 гл. II указанной монографии.

что косвенно раскрывается в посторонних, не связанных с сельским хозяйством материалах. За два — два с половиной столетия, прошедшие с того времени, о котором мы уверенно говорим как о начале перехода к полевому пашенному земледелию, сельское хозяйство заметно продвинулось вперед в своем развитии. Как показатели этого развития можно расценивать известия в письменных памятниках о разнообразии культивируемых злаков; в документах X—XIII вв. упоминаются рожь, овес, ячмень, пшеница, греча, просо, горох, а из волокнистых — лен и конопля. Встречаются отдельные указания на озимые (озимой была рожь) и яровые хлеба, а также на другие зерновые. Но, конечно, на основании одного разнообразия зерновых хлебов нельзя еще делать выводов о широком распространении и тем более о господстве паровой трехпольной системы земледелия в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в X—XIII вв.⁶ Равно как одного указания в Новгородских летописях⁷ о посевах «яри» и «озимицы» в XII в. совершенно недостаточно для того, чтобы говорить о трехпольной системе в XII в. в Новгородской земле,⁸ так как мы хорошо знаем, что озимые хлеба, так же как и яровые, и в древней Руси и в Русской земле в XVIII и XIX вв. высевались на полях и на подсеках. Обо всем этом имеются ясные указания в письмен-

⁶ Такой вывод делает В. П. Левашева в своей работе «Сельское хозяйство» (см.: сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 104). К числу доказательств в пользу своего положения автор относит, в частности, наличие в изучаемый период в рассматриваемых районах определенных видов пахотных орудий и результаты изучения семян сорняков. Сохи с полицами и сохи-односторонки, характерные для парового земледелия, относятся к XIII—XVI вв. Тезис о сорняках как о свидетельстве в пользу распространения (господства) трехполья в Новгородской земле X—XIII вв. подробно развит А. В. Кирьяновым в работе «История земледелия Новгородской земли X—XV вв.», (см.: Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М., 1959, стр. 321—343). Он вызывает ряд возражений. Во-первых, биологи-агротехники, на работы которых опирается А. В. Кирьянов, отмечают, что вопрос о сорняках на вновь осваиваемых землях не разработан (А. И. Мальцев. Сорная растительность СССР. М.—Л., 1933, стр. 130). Но установлено, что «и вновь осваиваемые целинные земли уже на второй и третий годы сильно засоряются сорняками» (С. А. Котт. Биологические особенности сорных растений и борьба с засоренностью почвы. М., 1947, стр. 45). Во-вторых, все исследованные зерна взяты из новгородских находок, а как и откуда они туда попали — неизвестно. В-третьих, исследованного зерна слишком мало, чтобы делать достаточно определенные выводы о распространении трехполья, особенно для всей Новгородской земли.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950 (далее: Н1Л), стр. 21 (1127 г.), 31 (1161 г.).

⁸ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 37.

ных памятниках XV,⁹ XVI¹⁰ и XVII вв. и более позднего времени.¹¹

В Северо-Восточной Руси еще в XII в. в ряде районов определился высокий уровень полевого пашенного земледелия. К таким районам в первую очередь должно быть отнесено Владимиро-Суздальское ополье по р. Клязьме, с его равнинной, сравнительно мало лесистой местностью и плодородной почвой. В XII—XIII вв. Владимиро-Суздальское ополье было житницей Северо-Восточной Руси.¹² Самостоятельное важное значение как районы полевого пашенного земледелия имели и Юрьево Поле, Угличе Поле, Мелехово Поле. Сами эти названия указывают на безлесный, открытый характер местности, в которой расположены перечисленные поселения. Это были центры крупных районов, в которых успешно развивалось сельское хозяйство. Ростов и Суздаль — богатые древнерусские города Северо-Восточной Руси, а также Владимир и Переяславль, возникшие несколько позднее их, своим ростом и значением обязаны плодородным опольям, в центре которых они были расположены.¹³

Развитие ремесла и торговли в XII — начале XIII в. привело к возникновению и росту новых городов: Москвы, Твери, Гороховца и Стародуба-на-Клязьме, Ржева, Звенигорода, Клина, Дмитрова, Костромы, Галича, Нижнего Новгорода и многих других, вызывало увеличение численности населения в районах их возникновения.

Оценивая общую картину состояния сельского хозяйства в начале XIII в., мы можем говорить, что оно, как и все народное хозяйство в это время, было в полосе расцвета. Полевое пашенное земледелие успешно развивалось и в отдельных

⁹ АСЭИ, т. II, № 290, л. 26 (стр. 238) — «сеча с рожью», № 337 — «озимь на сече»; АЮ, № 21.

¹⁰ ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 1 (расходная книга за 1590—1592 гг.), л. 38 об.: «Жали рожь на суках 40 овинов»; ф. 98, кор. V, № 157, кор. III, № 209; ф. 3, кор. II, № 24.

¹¹ ГПБ, Q. IV. 136, л. 612; Р. Б. Мюллер. Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948, №№ 67, 85, 95 (1650—1689 гг.); И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, ч. 1, СПб., 1771, стр. 239—240; Архангельский сборник, ч. 1. Архангельск, 1863, стр. 110.

¹² С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 108; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1928, стр. 8.

¹³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 54—56, 59, 63, 68, 69. — «Древнейшие города Северо-Восточной Руси (автор имеет в виду Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Углич, — Г. К.) возникли не на больших водных путях, а вдали от них в плодородных опольях» (там же, стр. 37).

(крупных) районах вытесняло подсеку; совершенствуясь, оно принимало форму паровой системы, а в других областях и районах было на пути к этому. Нашествие монголо-татар обескровило Северо-Восточную Русь, ослабило народное хозяйство. Отмеченные здесь достижения в области сельского хозяйства к концу XII—началу XIII в. теперь утратили свое значение. Многие приходилось восстанавливать или заводить заново.

Непосредственного вторжения татар избежали лишь Новгородская земля (исключая ее западные районы) да северные окраины Ростово-Суздальской земли.

Татарский погром все же не мог подорвать прочных основ сельскохозяйственного производства на Руси. Оно вскоре восстанавливается и продолжает в дальнейшем развиваться, так же как ремесла и торговля этого периода. Рост политического и экономического могущества великого княжества Владимирского и выдвинувшихся во второй половине XIII в. и в первые десятилетия XIV в. молодых самостоятельных княжеств Тверского, Московского, Костромского, а позднее Суздальско-Нижегородского и других свидетельствовал о постепенном восстановлении и дальнейшем развитии всего народного хозяйства. О полевом пашенном земледелии как основе сельского хозяйства и рассказывают нам счастливо сохранившиеся документы XIV—начала XV в. северных и северо-восточных районов Новгородской земли. Полевая пашенная земля в документах этого времени выступает чаще под названием «страдомой», «орамой земли», «нивы», «ораницы».¹⁴ Тексты таких документов заботливо перечисляют все составные части полей и по-своему раскрывают и размеры этой орамой пашенной земли. Сообщая о «полях», по-видимому крупных «участках» земли, документы говорят и о разработанных и эксплуатируемых в качестве полевой пашенной земли «лоскутах», «полосках», «гонах» земли. На «Заецком поли полполца орамой земли, — читаем мы в купчей, — ... и в другом месте полполца орамици. ... и на низу на Лужи половина орамици и бережного лоскута половина орамици. ... и возли Кочком озера — половина орамици».

Тщательное перечисление этих мелких пашенных полей говорит о внимании к полевой запашке, о том, какое большое значение придавали пашенной полевой земле на севере. Поля берегли, старательно, несмотря на большие трудности, обрабатывали их, расширяли запашку, следили, чтобы поля расширялись, а не зарастали. Для нас несомненно, что и на севере,

¹⁴ ГВНЦ, №№ 126, 133, 134, 141, 143 (все датируются концом XIV—началом XV в.), стр. 184, 189, 193—195; №№ 153, 155—160, 165—170, 172—177 и др. (середина XV в.); № 175, стр. 215—216.

где занятие земледелием было особенно сложным, оно все же было, пусть в небольшом размере, необходимой составной частью хозяйства каждого поселенца.

Об этом свидетельствует весь комплекс сохранившихся новгородских документов конца XIV—XV в. В них четко выступает рядовое и типичное для севера хозяйство этого времени: «двор и дворище», «орамые земли с притеребы», «репища и пожни с притеребы», и «тони» и всякие «ловища».¹⁵

Суровый климат, заболоченность, малоплодородная, зачастую каменистая почва делали здесь, на севере, особенно трудной разработку лесных участков под полевою пашню. Наряду с полевой пашней документы указывают и на подсеки — «притеребы», лесные участки, разрабатывавшиеся для временного использования под посев зерновых хлебов; сочетание полевой пашни с подсекой прямо свидетельствуется рядом документов севера и северо-востока Новгородской земли.

Сведения о полях становятся очень редкими, лишь только от актового материала Новгородского Севера перейдем к документам земель-княжеств Северо-Восточной Руси. Прямые указания на поля мы встретили в актовом материале Белозерья, и совсем малочисленны они в документах центра. Все это еще не значит, что полей здесь было мало и что полевое пашенное земледелие оказалось отнесенным подсекой. Мы встречаем прямые указания, что полевая пашня была необходимой составной частью в хозяйстве каждого земледельца. Это попутно, но убедительно раскрывается в одной жалованной тарханной грамоте нижегородскому Благовещенскому монастырю, датируемой 1420—1430-ми годами. В ней говорится о судебных привилегиях монастыря. Здесь рисуется знакомая нам еще по «Правде Русской» картина «гонения следа»: «А у кого учинится какова гибель, и хто пригонит след... к кому на чью землю, и государь тое земли, обрез у него возьмет да следом ведет, а не сведет следу со своею земли, и гибелщик (потерпевший, — Г. К.) у него обыщет двор и

¹⁵ Там же, №№ 133, 134 (1-я четверть XV в.), стр. 189. — Прямые указания на пашенные поля на Северной Двине мы находим в десятках документов Чюхченемского монастыря и других, датированных 40-ми годами или серединой XV в. (стр. 201—204); № 153 — упомянуты три поля, репище, гоны орамой земли; № 154 — поле и репище; № 155 — поля (три), заголки, репище, орамая земля, овсище; № 157 — поле, два репища орамици; № 158 — общее поле, полоса земли в нем, лоскут земли; № 160 — то же самое и еще гоны земли, репище; в № 190 (стр. 225) упомянуты по владельцам четыре поля; в № 216 (стр. 241) указано семь полей.

поля».¹⁶ Дается яркая картина жизни в сельских поселениях начала XV в.; ко двору каждого живущего здесь земледельца обязательно примыкают поля как органическая часть его хозяйства.

У нас есть все основания для того, чтобы оценивать изучаемый нами период, а именно XIV столетие, как время важных перемен в сельском хозяйстве. Такая перестройка могла внести и, как мы увидим дальше, действительно внесла ряд новых важных черт в жизненный уклад сельского населения земель-княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Немногочисленные дошедшие до нас документы XIV—начала XV в. бедны прямыми свидетельствами о земледелии, о сельскохозяйственном производстве. Но в них много сведений о деревне, о новом сельском поселении, впервые появившемся только в изучаемое нами время. Раскрывая новые стороны бытовой и трудовой жизни сельского населения, они могут существенно помочь в уяснении того нового, что появилось не только в быту, но и в земледелии, в организации сельского хозяйства. Материалы о сельских поселениях — о деревне в первую очередь и о пустошах, упоминающихся рядом с деревней, заслуживают того, чтобы специально и серьезно заняться ими.

* * *

Первые ранние упоминания деревни в дошедших до нас письменных памятниках мы встречаем в духовной московского великого князя Ивана Калиты, датируемой «около 1339 года» (или осенью 1327 г.). В этом документе написано, что Иван Калита в числе других земельных владений оставляет своему старшему сыну Семену «деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село Ориньское».¹⁷

Со второй половины XIV в. указания на деревню становятся более частыми. В отношении же XV в. можно сказать, что деревня сделалась уже типичным и самым распространенным сельским поселением в Северо-Восточной Руси. Таким основным типом сельского поселения она оставалась на протяжении всей истории Русского государства феодального периода.

¹⁶ АФЭХ ч. I, № 233 (конец 20—начало 30-х годов XV в.), стр. 204—205.

¹⁷ ДДГ, стр. 7, 9; перечисленные здесь деревни упоминаются и в более поздних духовных завещаниях других московских великих князей (там же, стр. 15, 17, 33). А. А. Зимин духовную Ивана Калиты датирует осенью 1327 г. (ПРП, вып. 2, стр. 307).

Гибель основной массы наших древних письменных памятников делает естественным то, что не дошли до нас многие и из тех документов, в которых, может быть, упоминалось о «деревнях» раньше, нежели в духовной Ивана Калиты. Поэтому мы не можем 1339 г. (или 1327 г.), год написания этой духовной, считать за дату первого появления слова «деревня» в языке письменных памятников. Нельзя исключить и возможности некоторого разрыва между распространением слова «деревня» в устной народной речи и перенесением этого слова в письменные памятники. Но в то же время мы считаем, что оба эти обстоятельства применимы к слову «деревня» лишь в очень ограниченной степени. Частые указания на сельские поселения (на погосты, села, веси и слободы) в актовом материале XII—XIV вв., в летописях и в других памятниках повествовательной и учительной литературы XI—XIV вв. говорят о том, что не могли пройти незамеченными и неупомянутыми и те случаи, когда дело касалось жизни населения деревень. Но, вероятно, слово «деревня» как отражение устоявшегося названия поселения в этот период еще мало употреблялось.

Поэтому мы имеем все основания считать, что широкое распространение нового, характерного для лесной полосы типа сельского поселения если и может быть отнесено на некоторый более ранний срок, чем дата составления духовной Ивана Калиты, то этот срок небольшой. Было бы ошибкой и переоценивать темпы перестройки хозяйственного и бытового уклада сельского поселения и весь этот процесс переносить на изучаемый нами период. Облик нового поселения определялся постепенно и медленно, исподволь занимал свое место; и, для того чтобы стать общепризнанной, широко распространенной и получить особое наименование, деревне понадобилось много времени.

В летописях деревня впервые упоминается под 1384 г. Запись, относящаяся к этому году, рассказывает о деревне как о поселении, принятом за окладную единицу при взимании дани в пользу Золотой Орды: «Тое же весны бысть великая дань тяжеля по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине».¹⁸ Наличие этой записи в Московском своде 1408 г., составленном вскоре после событий 1382—1384 гг., вероятно, современником их, дает основание считать, что она живо и верно отображает обстановку, создавшуюся во время нашествия Тохтамыша и в момент обложения «тяжелой

¹⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись (реконструкция текста). М.—Л., 1950, стр. 428.—В этом месте подлинный текст Троицкой летописи.

великой данью всего великого княжества».¹⁹ Деревня в это время была уже широко распространенным сельским поселением, типичным для Московского великого княжения, для всей еще подвластной татарам Северо-Восточной Руси. Актовый материал конца XIV—начала XV в., теперь имеющийся уже в большом количестве, подтверждает широкую распространенность, массовость деревень как сельского поселения Северо-Восточной Руси. Указания на деревни мы находим в документах почти всех земель-княжеств, позднее вошедших в состав Русского государства. Особое положение наблюдается лишь в Северо-Западной Руси — в Псковской и Новгородской землях; в их письменных памятниках мы не встречаем термина «деревня» вплоть до XV в.²⁰ Но и там находим данные о совершенно аналогичных явлениях в народнохозяйственной жизни и о поселениях, по типу близких к деревне.

Из других наименований сельских поселений более широкое хождение имело слово «село». Им-то преимущественно и обозначались наши сельские поселения в XII—XIV вв. Село выступает: и как поселок из одних земледельцев; и как поселок — усадьба крупного землевладельца, со всем ее населением, состоящим из семей землевладельцев, его слуг и холопов; и, наконец, как поселение, объединяющее и дома-хозяйства землевладельцев и усадьбы их с жилищем и хозяйственными постройками землевладельца и с жилищами его слуг.²¹ «Село» употреблялось и в смысле освоенного обжитого участка земли.²² В таком смысле в словосочетании «село земли» оно встречается и в XIV—XV вв. в письменных памятниках Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, и особенно в северных областях Новгородской земли.²³ Следует полностью согласиться с высказы-

¹⁹ Все позднейшие московские летописные своды повторяют эту запись: ПСРЛ, т. XXV, стр. 211; Воскресенская летопись: ПСРЛ, т. VIII, стр. 49; Никоновская летопись: ПСРЛ, т. XI, стр. 85.

²⁰ Ранние указания на деревни в новгородских актах относятся к середине XV в.: ГВНП, № 170 (Двина), № 282 (Вага), № 307 (Обонежье); упоминается деревня в берестяной грамоте (№ 311), найденной в 1957 г. в перекопе; она может быть датирована 20-ми годами XV в. по упоминанию в ней адресата боярина Михаила Юрьевича («Советская археология», 1958, № 2, стр. 24); в псковских актах деревни не упоминаются, а в летописях раннее указание на деревни связано с рассказом о подчинении Пскова Москве под 1510 г. (Лаврентьевская летопись, вып. 1, стр. 96).

²¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 82—86, 133.

²² Особенно убедительный пример приведен Е. Е. Голубинским: История русской церкви. Период второй. Московский, т. II, половина 1-я, М., 1900, стр. 660, 661.

²³ Архив Строева, т. I, стр. 12, 13, 15, 16; Чаев, стр. 148, 158, 160, 161; А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3, изд. Акад. наук, СПб., 1903, стр. 28, 64, 65, 70, 75, 101, 102, 112, 121, 123, 125, 127, 130, 131.

ванием авторов очерка «Поселения древней Руси», что понятия, обозначаемые терминами «погост», «село», «селище» (и мы прибавим еще «весь») «не имели в XI—XIII вв. вполне определенного содержания».²⁴ С таким сложным обликом и многообразным населением осталось село в Южной и Юго-Западной Руси и на последующие века. В Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в условиях лесной полосы при массе трудноосваиваемых заболоченных лесов, с невысоким плодородием почвы и суровым климатом земледелец севера вынужден был поиному, чем житель южных черноземных степей и лесостепной полосы, организовывать и вести свое хозяйство и строить свой быт. В этих особых условиях северной лесной полосы и появилась деревня, оттеснившая в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси село на второй план.

С конца XIV в. во всех документах Северо-Восточной Руси деревня выступает уже как основной тип сельского поселения. В то же время в этих же документах есть отголоски и того времени, когда, наоборот, «село» было наиболее привычным и распространенным наименованием для сельского поселения. До нас дошли только поздние документы, и потому-то мы нередко имеем дело уже не с жилым селением, а с исчезнувшими селами — с «селищами». Мы знаем, что если опустошат или разорят деревню и погибнет ее население или покинет ее, то место, где была деревня, будет долго называться «пустошью», а если погибнет село, то место его прежнего нахождения станет называться «селищем». И, естественно, что название «пустошь» встречается в документах довольно часто, а термин «селище» попадает редко. Но, есть все же, хотя и редкие, но показательные примеры. В двух купчих, касающихся земельных владений в Переяславском уезде, датируемых 1392—1427 гг., предметом купли-продажи являются (по три в каждой из купчих) селища.²⁵ А из купчих, относящихся к тому же уезду и датируемых 1434—1445 гг. и 1430—1450 гг. мы узнаем из одной о шести селищах, а из другой о четырех.²⁶ Вспоминая, что селища когда-то в не очень далеком прошлом были селами, мы, естественно, должны думать о необычной для XV в. картине: когда-то, и, по-видимому, не очень давно, сел было много, а деревень не было. Приведем выдержки еще из одного документа,

152; И. М. Сибирцев, А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. Там же, т. II, вып. 5, СПб., 1909, стр. 12.

²⁴ А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». М., 1956, стр. 11.

²⁵ АСЭИ, т. I, № 10, стр. 30—31: «Се яз ... купил село Игнатьевское и с селищи с Одроновскою, с Климовским, с Олферьевским, что к нему потягло»; № 18, стр. 35.

²⁶ Там же, №№ 114, 162.

относящегося к Угличскому уезду. Некий Потопчин дает в Троице-Сергиев монастырь: «земли свои — отчину: село Нефедьевское, да деревня Кузнецовская, да деревню Мичково, да селище Сусловское и с лесом, да селище Офонинское, да селище Санниковское, да селище Кузминское, да селище Домановское, да селище Мочяловское и со всем с тем, что к тому селу к Нефедьевскому, и к тем селищем ко всем потягло истарины». ²⁷ «Старина», о которой упоминает приведенный документ, это время, когда были рядом друг с другом 6 или 7 сел и, по-видимому, не было ни одной деревни, а настоящее — это село Нефедьевское и тянущиеся к нему две деревни.

Возьмем еще несколько подобных же примеров. В правой грамоте о двух деревнях Пошехонского уезда при отводе межи упоминаются 18 селищ. ²⁸ В поздней грамоте (начала XVI в.) Спасо-Евфимьевского монастыря содержится перечень 11 селищ. ²⁹ В меновных Савво-Сторожевского монастыря в одной перечисляется 10 и 7 селищ, а в другой — 16 и 26 селищ. ³⁰

Г. А. Максимович, изучая писцовые книги Вяземского уезда XVI в., указывает на большое число селищ в прошлом, многие из которых впоследствии стали населенными деревнями. В отношении же писцовой книги 1593/94 г. он отмечает, что в ней многие бывшие селища теперь называются пустошами. ³¹

Указания в актах на большое число селищ напоминают о времени, когда именно село, а не деревня, было основным типом сельского поселения.

Это — косвенное, но весомое подтверждение положения о вытеснении села деревней, о молодом возрасте деревни по сравнению с селом.

Облик деревни достаточно ясен. Деревня — не только ее население, жилые и хозяйственные постройки, но и весь комплекс угодий, составлявших в целом деревенское хозяйство, границы которого обычно определялись формулой «куда из тое деревни соха ходила, топор и коса ходила». С этой стороны деревня стоит в одном ряду с селом и сельцом — другими сельскими поселениями того времени. Как велось это деревенское хозяйство? Если мы сравним интересующую нас в данный момент деревню XIV—начала XV в. с деревней конца XV—начала XVI в., облик которой в достаточно ясном виде высту-

²⁷ Там же, № 184.

²⁸ АФЭХ, ч. I, № 309.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1203, Копийная книга, лл. 305, 306, 360.

³⁰ ГПБ, Погодинское собрание, 1910, лл. 8—13.

³¹ Г. А. Максимович. Очерки по истории экономического быта Вяземского уезда по писцовым книгам. Сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при Киевском университете, вып. VII. Киев, 1915, стр. 141, 142.

пает в описаниях писцовых книг того времени, то увидим, что в основе своей и та и другая деревня сходны, но, конечно, за 100—150 лет сельское хозяйство успело уйти очень далеко вперед.

Чтобы яснее представить хозяйство деревни, обратимся к нашим вспомогательным материалам, касающимся пустошей конца XIV—начала XV в.

Купчие, меовные, отдельные и другие акты на землевладение XIV—XV вв. в числе земельных владений на одном из первых мест указывают пустоши и селища.

Положение, что пустоши — запустевшие деревни, а селища являются также некогда существовавшими, а теперь исчезнувшими селами, не требует особых доказательств. Интересующемуся этим вопросом достаточно быть внимательным при чтении документов XIV—XV вв., чтобы на каждом шагу убеждаться в справедливости этих положений. Так обстоит дело в отношении изучаемого нами периода. Конечно, документ расскажет яснее об этом, когда прямо поставлен вопрос о том, откуда появились те или иные пустоши или селища. В наших документах приводятся случаи, когда авторитетные лица, современники — судьи, тяжущиеся стороны, вызванные на суд в качестве свидетелей «знахори» и старожилы — нередко прямо заверяют, что пустошь или сельцо является запустевшей деревней или селом, о которых помнят они или их отцы и деды; а часто бывает и так, что судьи вместе со свидетелями-экспертами и тяжущимися сторонами на месте устанавливают, является ли спорная земля пустошью или селищем, и в этих случаях ищут, нет ли борозд загонных, как следов пашни существовавшей здесь деревни, нет ли дворищ, т. е. мест, где в недавнем прошлом был дом земледельца и его усадьба.³²

Для всех современников было само собой разумеющимся, что пустоши возникали в результате гибели деревень, а селища означали не что иное, как наименования исчезнувших сел. Название деревни переходит на пустошь. С. Б. Веселовский пишет: «не раз старожилы указывали путешествовавшему в XX в. историку местные названия пустошей, не подозревая того, что опрашивающий их историк в этих названиях узнавал давно исчезнувшие селения».³³ Пустоши могут иметь очень большую давность.³⁴ Когда мы обратимся к писцовым книгам конца XV—начала XVI в., к писцовым книгам XVI и XVII вв., то

³² АФЭХ, ч. I, №№ 103, 125, 258; АСЭИ, т. I, №№ 340, 537, 528; ЦГАДА, ф. 281, ГКЭ, № 14752/4 по Ярославлю.

³³ С. Б. Веселовский, ук. соч., стр. 78.

³⁴ В документах XV в. отмечаются случаи, когда давность пустошам определяется в 50—60 и более лет: АСЭИ, т. I, №№ 523, 541, 589.

увидим, что писцы прямо указывают: «пустошь, что была деревня».³⁵

В нашей дореволюционной историографии существовало и прочно держалось еще ошибочное мнение, что пустоши — это места некогда разрабатывавшихся подсек, брошенных теперь переселившимися в другие места крестьянами.³⁶ Это ложное толкование того, чем являлись пустоши и селища, было главным аргументом сторонников «теории бродяжничества русского крестьянства». Они говорят, что большое число пустошей, отмечаемых в актах, это результат бродяжничества крестьян, якобы исконной черты русского крестьянства. На деле же леса и «лядины», какие вырастают на месте заброшенных подсек, не имеют никакого отношения к пустошам и пустошами никогда не называются.

Пустоши возникали только на месте покинутых деревень. Оставлены же эти деревни или оказались они пустыми ничуть не из-за склонности к бродяжничеству русского крестьянина, а вследствие феодальных войн, какими особенно богаты XIV и XV вв., нападений внешних врагов, вследствие стихийных бедствий, неурожаев, мора.

Присмотримся внимательнее, как сами документы XIV—начала XV в. рассказывают о причинах появления пустошей и селищ. Таких указаний не много, но они убедительны, мимо них нельзя проходить равнодушно. В документе, относящемся к Костромскому уезду, мы читаем: «Волость... Ликуржская запустела от великого поветрея, а, господине, деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты».³⁷ «Те деревни запустели от ратных людей и от разбоев», — говорят свидетели о появлении пустошей в те же 20—30-е годы XV в., но в другом районе.³⁸ «Села... опустели от татар да от потугов не по

³⁵ С. Б. Веселовский, ук. соч., стр. 28. — Это явление проследивается всеми, кто изучал писцовые книги: В. Ф. Загорским, А. М. Гневушевым, И. И. Лаппо, Е. Н. Щепкиной, Я. Ф. Яницким, Е. Д. Сташевским и многими другими; об их работах см. нашу статью «Писцовые книги в буржуазной историографии» (Проблемы источниковедения, сборник второй, М.—Л., 1936). В писцовой книге Вяземского уезда 1593/94 г. отмечено наличие 637 пустошей; из них в отношении 510 прямо сказано, что это запустевшие деревни (Г. А. Максимович, ук. соч., стр. 141).

³⁶ И. Д. Беляев. Несколько слов о земледелии в древней России. Временник ОИДР, кн. XXII, стр. 46—48. — Сам И. Д. Беляев не повторил этих высказываний в своем капитальном труде «Крестьяне на Руси» (4-е изд., М., 1903). Но приведенное его мнение было подхвачено В. Советовым, А. В. Советовым и др.

³⁷ АФЗХ, ч. I, № 254. — Правая грамота датируется 1501—1502 гг., разбираются же события далекого прошлого, «великое поветрие» — мор, эпидемия была в 1420 г. (там же, стр. 219).

³⁸ АСЭИ, т. I, № 571 — датируется примерно 1492—1494 гг. (Костромской уезд); свидетели помнят «за семьдесят лет».

силе, люди из них разошлись по иным местам», — говорит еще один документ о появлении пустошей в Юрьевском уезде.³⁹ Старожилы вспоминают о нашествии бывшего золотоордынского хана Мухамеда в 1438 г. и о битве под г. Белевым. Они говорят о «белевшине» как событии, связанном с разорением, запустением края.⁴⁰ Администрация Спасо-Евфимьева монастыря указывает об опустошительном вторжении в Суздальский край хана Мухамеда и царевича Мамутека в 1445 г., когда был разорен весь край, сгорел монастырь и был взят в плен великий князь Василий Васильевич.⁴¹

Имеются и прямые указания на «Едигееву рать» (1408—1409 гг.) как на причину разорения края и запустения сел и деревень (и появления селищ и пустошей) в ряде районов Северо-Восточной Руси. Нашествие Тохтамыша в 1382 г., нападения татарских войск в 60—70 годы XIV в. на русские области, чума начала 50-х годов XIV в. и прочие массовые бедствия — таковы основные причины запустения сел и деревень, указываемые документами того времени.

Именно эти внешние обстоятельства были подлинными причинами появления пустошей и селищ в XIV и первой половине XV в., а не уход земледельца с одного истощенного земельного участка на другой (на новину) для разработки новой подсеки. не склонность к бродяжничеству.

В самом недавнем прошлом пустошь была деревней, т. е. вполне законченным комплексом сельскохозяйственных хозяйств, и это качество сохраняла на долгие годы. На ней уже могло не быть ни жилых, ни хозяйственных построек. Но было и оставалось самое ценное — разработанные поля, огороды, капустники, конопляники, хмельники; они-то и манили сюда земледельца-новопоселенца с сохой и землевладельца.

Коренное изменение облика сельского поселения, отмечаемое массовым повсеместным распространением деревень в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, — факт большой важности. Он свидетельствует об окончательной победе полевого пашенного земледелия над огневым подсечным.

В Северо-Западной Руси — в Новгородской и Псковской землях, где сельскому поселению наименование деревни присвоено позднее,⁴² шел тот же процесс повсеместного внедрения

³⁹ АФЭХ, ч. I, № 145 (1448—1464 гг.), стр. 129.

⁴⁰ АСЭИ, т. I, № 340.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 262—263; АСЭИ, т. II, № 481.

⁴² Так говорят документы; но можно считать очень вероятным, что на самом деле в народном языке слово «деревня» в Северо-Западной Руси гораздо раньше вошло в обиход, в русский язык. 10 сел «рядной грамоты» Новгородского боярина (ГВНП, № 122) описаны с теми же названиями.

полевого пашенного земледелия и изменения облика сельского поселения.

Многовековой опыт этой борьбы с лесом, при наличии усовершенствованной сохи с железными сошниками и полицей — орудия, легко приспособляемого ко всяким условиям Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, позволили земледельцу-крестьянину освободиться от чрезмерно обременительной подсеки. Крестьянин обеспечивает себя полем, пашенное поле является базой его зернового хозяйства. Наличие поля не исключало, правда, возможности дальнейшей разработки лесов, не исключало и практики подсечного земледелия на отдельных лесных участках. Документы называют у деревень те же угодья, что и у сел. Формула «куда соха, куда топор, куда коса ходила» в равной мере была обычной и для деревни, и для села.

Кроме огорода при дворовой усадьбе и полевой пашенной земли, составляющей важнейший признак деревни, в каждой деревне были сенные покосы («куда коса ходила»), выгон для скота и лесные угодья («куда топор ходил»). Сенные покосы — не только естественно образовавшиеся при речках, озерах покосы на поемных лугах, в долинах, но и покосы, созданные руками человека после вырубки леса и кустарника.

Веками выработывался тот тип поселения, каким выступает перед нами в документах XIV—XV вв. деревня. Последняя — будем ли мы иметь в виду отдельно сельское поселение лесной полосы или представлять себе в целом весь комплекс многих тысяч сельских поселений Северо-Восточной и Северо-Западной Руси — результат большого, целеустремленного напряженного труда земледельца. Современники — сельские жители, земледельцы — вкладывали строго определенное содержание в понятие деревни; она представлялась им как комплекс земледельческих хозяйств, обеспеченных достаточным количеством полевой пахотной земли, хорошо разработанной, отвоеванной от леса, а также сенокосными и другими угодьями и т. д. Соответственно этому к деревне предъявлялись особо высокие требования. Современники не считали возможным признавать за деревню то поселение, в котором земледельческая база не была в должной мере и прочно обеспечена, даже если в этом селении было все необходимое для жилья и имелись хозяйственные постройки.

Поселение в лесной зоне, в котором были жилища и постоянное население, но в котором земледельческая база еще не была достаточно прочной, современники в отличие от деревни называли «починком». И лишь когда жители починка расчищали, вы-

но уже как деревни в Новгородской писцовой книге (см.: Новгородские писцовые книги, т. II СПб., 1862, стр. 479—494).

жигали и разрабатывали под пашню занятый участок, обеспечивали себя полевой пашенной землей, этот починок получал право именоваться деревней: что «починок» без пашни — явление обычное⁴³ и что такой починок с течением времени вырастает в деревню,⁴⁴ об этом очень ясно указывают документы: актовый материал с конца XIV—начала XV в. и массовый материал о сельских селениях, представленный писцовыми книгами, которые, к сожалению, сохранились лишь начиная с последнего десятилетия XV в.

Починок — только первый этап на пути строительства и роста отдельной деревни,⁴⁵ современники так и расценивали его.

При оценке пустошей как важного хозяйственного угодья современниками отмечается высокий уровень земледелия в опустевших деревнях, из которых образовались эти пустоши. Современники хорошо знали, какой большой труд был вложен при разработке пахотных полей, огородов, при расчистке и приведении в порядок сенокосных угодий и т. п. Мы и привлекли внимание читателя к этим вырисовывающимся из данных актового материала свойствам пустошей лишь потому, что посредством его узнается, чем была деревня интересующего нас времени. В этом материале мы находим оценку современников той полевой пашне, какая обязательно была в каждой деревне. Не менее важно и то, что весь этот материал о деревнях присущ всем сельским поселениям Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XIV—XV вв.; он рассказывает о массовых типичных явлениях того времени. В целом же комплекс этих многочисленных сведений о деревнях и пустошах, содержащихся в купчих, меновных, данных и других грамотах, в судных делах и других актах XIV—начала XVI в., развертывает яркую картину жизни и трудовой деятельности сельского населения древней Руси. Она охватывает всю Северо-Восточную Русь начиная с Устюга Великого, Кубены, Вологды, Белозерья на севере и кончая Рязанской землей на юге; в этом комплексе представлены материалы о сельских поселениях всех земель-княжеств всех уездов.

С некоторым запозданием появляется деревня лишь в документах Новгородской и Псковской земель. Но исторические источники земель — летописи и актовый материал — указывают,

⁴³ АФЭХ, ч. I, стр. 33, 34, 42, 43, 55, 152, 155, 157 и др.

⁴⁴ Там же, № 10 (1390—1406 гг.) — указаны два починок: Березицы и Трегизово, а в позднейшей писцовой книге (1490/91 г.) эти селения уже именуется деревнями (там же, № 12, стр. 28, 31)

⁴⁵ Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 84: «...раздели Милобудцкие починок, разделал Еска да Клим с товарищи»; стр. 116: «А се деревни новые, что черныци в лесах ставили: деревня Дмитров починок; деревня Рогов починок, деревня Юсов починок... починок на дору, починок Пуминов, починок на Ельнике, починок Ивакин, починок Лыткин».

что жизнь в сельских поселениях и трудовая деятельность земледельцев в Северо-Западной Руси шла тем же путем — в направлении заметного подъема сельского хозяйства. Для изучающего земледелие важнейшим показателем в этом процессе являлась победа паровой системы земледелия над подсекой во всей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Это делает особо важным установление времени широкого распространения деревни Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, времени, когда она стала типичной формой сельского поселения. Нам известно первое раннее упоминание деревни в письменных памятниках. Мы высказали соображения о возможности ее широкого распространения еще до этой даты.

60—70-е годы XIV в. обозначены как важный этап в общем политическом и экономическом развитии Северо-Восточной Руси. Силы Руси оказались достаточными для того, чтобы вступить в открытое единоборство с Золотой Ордой и сделать попытку сбросить татарское иго. Когда после победы Руси на Куликовом поле монголо-татарам вновь удалось привести в повиновение Русскую землю и Золотая Орда после Тохтамышева разорения наложила «тяжелую великую дань» на Русь, то в качестве единицы обложения была указана деревня. Наложение этой дани «со всякого без отдатка (без исключения), со всякие деревни по полтине» свидетельствует, во-первых, о том, что земледелие было основой сельского хозяйства на Руси в это время, во-вторых, о том, что к 60—80-м годам XIV в. деревня была основным сельским поселением на Руси и как таковое была признана Золотой Ордой и правительством великого княжества Московского.

С конца 80-х годов XIV столетия значительно увеличилось число дошедших до нас документов. Стечение «счастливых» для историков обстоятельств сделало то, что с этого времени лучше сохранился актовый материал — купчие, меновные и другие акты о земельном обороте, а со второй половины XV столетия к ним присоединяются еще и судные дела. Наши предположения о деревне находят еще более твердое обоснование в этих документах. Наш материал — уже материал массовый. Он говорит о процессе развития земледелия в целом по всей Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Было бы ошибкой ставить этот материал рядом с писцовыми книгами конца XV—XVI в. Но можно говорить, что и рассматриваемые нами материалы и писцовые книги — источники одного порядка и — что для нас самое важное — говорят об одних и тех же явлениях: выборочные свидетельства о существовавших в XIV и XV вв. деревнях, не столь еще многочисленные (но все же исчисляемые многими десятками и даже сотнями), но из всех земель-княжеств сохра-

нившиеся случайно, не нарочито подобранные. И там (в конце XV—XVI в.) и тут (в XIV—XV вв.) одна и та же деревня, представляющая лишь разные периоды истории нашего народа, периоды, недалекие друг от друга и в силу этого мало отличающиеся. И в той и в другой деревне слагаемые элементы их хозяйства одни и те же — полевая пашенная земля, сенокосные угодья, лес и, может быть, рыбные угодья. В литературе считается принятым, что для хозяйства деревни конца XV и XVI в., т. е. для деревни, описанной в писцовых книгах, характерно прочно установившееся трехполье, этим определялось состояние земледелия в то время. А в какой мере полевое пашенное земледелие деревни конца XIV—начала XV в. было близко к трехполью? На какой стадии его развития мы застаем земледелие в конце XIV—начале XV в.? Что оно шло именно по этому пути, едва ли есть основание сомневаться. Какой же путь успело пройти земледелие к концу XIV—началу XV в. в направлении распространения и совершенствования пашенного земледелия от времени господства подсечи? Вот основной вопрос, какой нам предстоит решать сейчас.

Переход к полевому пашенному земледелию в условиях лесной нечерноземной полосы, по существу, был длительным процессом замены (вытеснения) огневого подсечного земледелия паровой системой земледелия. Только применяя пар, можно было подсечный участок превратить в полевую пашенную землю, т. е. в такой земельный участок, на котором, при соблюдении некоторых обязательных агротехнических мер, можно регулярно вести удачные посевы зерновых хлебов. В числе же этих регулярно выполняемых агротехнических мер опять-таки на первом месте стоит пар и внесение удобрений. Читателю уже давно известно, что древние памятники от начальных десятилетий изучаемого нами времени, которые бы прямо рассказали нам об агротехнике XIII—середины XV в. и об особой роли пара, не дошли до нас; но обо всем этом мы можем узнать из материалов XV—начала XVI в., раскрывающих существо паровой трехпольной системы земледелия. Применение пара, или наличие парового поля — «паренины» в числе трех полей, обязательных при трехполье, — необходимый важнейший признак трехпольной паровой системы земледелия.

В судном докладном списке, датированном 70-ми годами XV в., читаем: «И тот . . . Нелидко припустил тое земли к себе сего лета в поле яровое и в паренину; в яровое . . . четверти на три, а в паренину на четверть».⁴⁶ Конечно, Нелидко издавна привычно применял трехполье и имел поля яровое, озимое и

⁴⁶ АСЭИ, т. I, № 397 (около 1470—1478 гг.), Костромской уезд.

паренину. Вызванные свидетели уже 50 лет как помнят о спорном лужке. Сам Нелидко Шубин говорил, что уже 25 лет (т. е. в 1450-е годы), как он вгородил спорную землю в свои поля — в яровое, в паренину и в озимое. Другой документ, упоминающий о паренине, относится к 1462 г. Исключительные обстоятельства, при каких было в этой жалованной грамоте указано о паренине, говорят, что и трехполье и пар при нем для тех мест — дело стародавнее и очень привычное.⁴⁷ Мы видим, что трехполье применялось здесь еще в середине XV в. и тогда уже была привычной паровая система земледелия.

Третий документ о паренине в XV в. относится к северу, к Двинскому уезду. Это грамота о размере «празги» за взятую в пользование церковную землю. «А та земля ... сеять, и орать, и парить, и пожни очищать».⁴⁸ Пар — это не просто отдыхающая земля. Поле, находящееся под паром, подвергается неоднократной вспашке, до того как в августе на нем будет высеваться озимый хлеб. О важности и обязательности такой обработки парового поля и о том, в чем она заключалась, хорошо и согласованно говорят руководства по земледелию более близкого к нам времени.⁴⁹

О порядке обработки земли особенно хорошо сказано в крестьянских порядных XVI в. Кроме обязательства «пары парити», в этих северных документах указывается и на обязанность удобрять поля («гной на землю возити», «навоз на землю возити»)⁵⁰.

В расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря 1567/68 г. записано: «наймовал казаков на вешную пашну паренину взорали трижда, и рож поселяи, и навоз з двора вывезли».⁵¹ А в порядной начала XVII в. мы читаем: «а в те нам урочные лета та деревня пахати и сеяти... и огороды, около поль городити и новины сечи вново и рожь сеяти. А пойдет из деревни — нам оставить пары переораны трою».⁵² Многократная

⁴⁷ АФЭХ, ч. I, № 158 (1462 г., 4 августа), район г. Суздаля.

⁴⁸ ГВНП, № 260, стр. 68. — О «паре» говорится в указанной грамоте П. Языкову по жалобе Спасо-Евфимьевского монастыря начала XVI в.: ЦГАДА, ф. 281, ГКЭ, № 11790.

⁴⁹ А. В. Советов. Избранные сочинения, М., 1950, стр. 319—323; А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства. СПб., 1891, стр. 144—148.

⁵⁰ РИБ, т. 14, № 38 (1560 г.), стр. 61; № 58/1 (1573 г.), стр. 91, 92; № 58/2 (1575 г.), стр. 92, 93; № 58/4 (1579 г.), стр. 94—96; № 58/5 (1579 г.), стр. 96, 97; № 58/6 (1580 г.), стр. 97—99; № 58/8 (1589 г.), стр. 100—104; №№ 58/10 (1590 г.), стр. 104, 105.

⁵¹ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. 2. СПб., 1910, Приложения, стр. ОХСІХ.

⁵² Исторический архив, VIII, №№ 6 (стр. 111), 7 (стр. 112), 8 (стр. 113), 12 (стр. 116), 23 (стр. 124).

обработка парового поля описывается и более подробно: «А нам ... пары орати летом четырежды. Впервые под назем, и назем из двора вывозить и заорать дважды, а в третии под рожь».⁵³

Приведенные здесь документы XV, XVI и XVII вв. единодушно свидетельствуют о многократной обработке паровых полей, о внесении удобрения на них и о тщательной заделке его. Они хорошо разъясняют значение пара.

В документах конца XIV—XV в. обычны выражения: «поорали землю»,⁵⁴ «землю пашут и орют»,⁵⁵ «землю орали, пахали и бороновали»,⁵⁶ «пахали, орали и сеяли»,⁵⁷ — так рассказывается об очень тщательной и разнообразной обработке почвы перед посевом. И есть все основания считать, что когда одновременно говорится «пахали и орали землю», «орали, пахали и бороновали», речь идет о такой обработке пашенного участка, которая рекомендуется при паре. Д. К. Зеленин, а за ним и те, кто старался приравнять соху «суковатке», глагол «пахать» истолковывают как поверхностную обработку почвы. Работа пахаря ими сближалась с действием «пахать» — «опаживать» веником, опажалом. В наших документах XIV—XV вв. мы имеем много случаев, когда в рассказе об обработке почвы говорится, что землю пашут и «орют». Трудно найти различие в этих действиях. Но имеется много случаев, когда в отношении одной и той же работы сказано то «пахали», то «орали».⁵⁸ Будет безусловно правильно, если эти слова «орали и пахали», «орали, пахали и бороновали», «орали, пахали и сеяли» мы истолкуем как желание человека XIV—XV вв. в данном случае специально подчеркнуть многообразие применяющейся обработки почвы, особенно необходимое при паровой системе земледелия.

Как бы ни истолковывались сообщаемые источниками сведения о характере обработки земли XIV—XV вв., как бы ни ссылались на малочисленность или недостаточность этих сведений по характеристике уровня техники земледелия, необходимо признать факт повсеместного широкого распространения постоянных пашенных полей в XIV—XV вв. по всей лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Такими пашенными полями была обеспечена каждая деревня; на их основе и строилось сельское хозяйство деревни.

⁵³ Исторический архив, VIII, № 127, стр. 127.

⁵⁴ АСЭИ, т. I, №№ 430, 432; АЮБ, т. I, № 103/1; АФЭХ, ч. I, № 103; Архив Строева, т. I, № 36.

⁵⁵ АФЭХ, ч. I, №№ 36, 37.

⁵⁶ АСЭИ, т. I, №№ 607, 607а.

⁵⁷ Там же, № 539.

⁵⁸ Там же, № 431.

Каковы же эти пахотные поля деревни конца XIV—начала XV в.? Мы можем уверенно говорить о хорошей обработке почвы на этих полях, так как без такой обработки поля покинутых и опустошенных деревень не имели бы той высокой цены, какая придавалась всеми современниками пустошам — опустевшим деревням. Поля этих деревень еще годы считались пригодными для посева на них зерновых хлебов. Годы культивирования этих полей сделали последние очень ценными для земледельцев. Их ценность — результат многолетней умелой обработки почвы: почва не истощалась, не утрачивала плодородия, а, напротив, сохраняла и накапливала его. Регулярная обработка полей, лучшее качество пахоты, большая ее глубина — вот те вероятные причины, которые привели к постепенному образованию полей — некоторого участка постоянной пахотной земли в каждой деревне.

Вопрос об улучшении качества обработки почвы естественно поставить в связь с существенными изменениями в конструкции сохи в XIV в. Соха совершенствовалась. Менялись размер и форма сошников. Теперь они асимметричные: правый и левый сошник работают по-разному, взаимодействуя друг с другом. Естественно предполагать, что совершенствуются подвои и с большим успехом ведется работа по регулированию глубины вспашки; следует считать вероятным, что достигнутый по этой линии опыт находил широкое распространение. Найденные железные полицы датируются XIII и XIII—XV вв. Можно предполагать, что железной полице предшествовала деревянная полица — присох, присошек. Полица помогала класть на одну сторону весь вспахиваемый пласт земли. Только при наличии полицы можно добиться хорошей заделки навоза. Документы (судные дела) указывают на глубокие загонные борозды на полях, они сохраняются на долгие годы. Глубокие борозды свидетельствуют о глубокой вспашке полей.⁵⁹ О загонах на пустошах, ясно различимых даже тогда, когда пустошь заросла лесом в бревно, говорят нам и документы и свидетельства современников.⁶⁰ И если попытаться охарактеризовать одним словом свойство, каким обладали поля деревень XIII—XV вв., то читатель не был бы обманут, если бы, примеряясь к давнему прошлому, мы сказали об «окультуренности полей в этих деревнях».⁶¹ Даже поля запустевших деревень как хозяйственные

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 281, ГКЭ, № 14752; АСЭИ, т. I, № 420.

⁶⁰ АФЭХ, ч. I, № 156; АСЭИ, т. I, № 420.

⁶¹ С. Н. Якубовцов. Система обработки почвы в нечерноземной полосе. М.—Л., 1953, стр. 12—13; М. Г. Чижевский и К. В. Петрушенко. К вопросу об «окультуренности» и «окультуривании почв». Труды Тимирязевской сельскохозяйственной академии, т. I, 1935, стр. 57—62.

угодья выделялись среди целинных земель, так как требовали самой минимальной затраты труда для того, чтобы вновь стать полноценными урожайными полями. Нужно было время для того, чтобы вновь возникающее сельское поселение, пройдя через стадию починка и накопив необходимое количество хорошо обработанной полевой пашенной земли, стало деревней. А еще больше потребовалось трудов для проведения опытов по освоению новых участков и по выработке приемов и средств для надежного превращения лесных участков в поля. Будет правильным считать, что участок полевой земли, который оказался достаточным для всех трех полей и причем таких, которые в необходимой мере удовлетворяли все запросы хозяина земледельца, этот участок не сразу был доведен до желательной величины. Он рос у деревень постепенно. Переход к паровой системе земледелия происходил постепенно, в борьбе с подсекой. А в каком же виде выступает подсечное земледелие в XIV—XV вв.? Что могут рассказать о нем дошедшие до нас документы?

Первое затруднение при изучении подсечного земледелия древней Руси возникает по линии терминологии. В пределах XIV—XV вв. мы натолкнулись в документах на два известия о «подсеках». В одной жалованной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну мы читаем: «Да на другой стороне Шохсны реки ... игумену Касиану чистити пожни, и лес велел сечи и деревни на той подсеки поставити».⁶² Предусматривается разработка подсеки для того, чтобы потом на ее основе поставить деревню. В другом документе говорится о Свечинской подсеке,⁶³ по краю которой проходит граница между земельными владениями. Лишь в первом случае действительно говорится о разработке лесного участка под посев способом подсеки. Огневое подсечное земледелие может скрываться за описаниями многих явлений. Из таких для XIV—XV вв. можно назвать: лес пашенный,⁶⁴ на севере — лес страдомый,⁶⁵ и в том и другом могут разделять подсеки; подсекою может быть и пашня на «гарях», «палы»,⁶⁶ «сечи»⁶⁷ и «пашня на сечах»,⁶⁸ «чищи»,⁶⁹ «роздели»,⁷⁰ «прите-

⁶² Дебольский, № 139 (1448—1469 гг.), стр. 167.

⁶³ АСЭИ, т. I, № 544 (1480—1490 гг.), Переяславский уезд.

⁶⁴ АФЭХ, ч. I, № 254 (1501—1502 гг.), Костромской уезд.

⁶⁵ Чаев, №№ 130, 135; ГВНП, № 287.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 281, ГКЭ, № 11790 по Суздалью.

⁶⁷ Шумаков, Обзор, вып. II, стр. 109 и 113, Белозерье.

⁶⁸ АФЭХ, ч. I, № 51 (1498—1499 гг.), Московский уезд; АЮБ, т. II, № 178, III; АСЭИ, т. I, № 581 (1495—1497 гг.), Углицкий уезд.

⁶⁹ Мейчик, стр. 123 (до 1427 г.), Белозерский уезд.

⁷⁰ «Селиверстовская роздель и что к ней потягло, или куда секира ходила»; Дебольский, № 146 (1397—1427 гг.), Белозерье.

ребы»,⁷¹ «россечи», «подели» и т. д. Об огневом подсечном земледелии можно узнать и из сообщений о том, что лес посекали и рожь или ярь посеяли, о том, что подсушивают и секут лес. Но все это может делаться и для устройства на лесу починка и деревни. Встречаются и указания на «лядины». В документах лядиною называется вновь выросший лес, может быть и на месте подсеки; упоминается и «лядина травная» — лядина, поросшая травой. Подсеку, подсечное огневое земледелие лучше искать, вчитываясь в описания явлений и исходя из существа содержания описанного. В изучаемое время подсека чаще выступает не в чистом виде, а как переходная ступень к возникновению нового поселения — починка, а потом и деревни. Кроме терминов «подсека» и «лядина», следует указать еще на один термин, также ведущий нас к огневому подсечному земледелию. Мы говорим о «нивах». Слово «нива» имеет в нашем понятии один совершенно ясный смысл, под ним понимают поле, покрытое хлебами: «Аки на ниве класы пожинаху». Зеленеющая нива или нива, покрытая созревающим золотистым хлебом, — таково наше современное привычное понимание нивы. Но вот на севере удержалось за этим словом и другое значение. Его нам подробно разъясняет автор «Словаря областного архангельского наречия» Александр Подвысоцкий:⁷² «нивою» называется подсека — коротко заключает он. «Нивы росстрадные» Псковской судной грамоты,⁷³ действительно, можно истолковать и в смысле, близком к сказанному. В том же значении мы встречаем «нивы» в Псковской Обводной грамоте 1491 г.⁷⁴ В. О. Ключевский напоминает выражение: «Лесу пашенного десять нив».⁷⁵

По-иному и яснее выглядят «нивы» на севере Белозерской земли. Разводная на земли и лесные угодья князей Кемских указывает, что здесь, на севере Белозерья, нивы были среди лесов и болот. Рядом с ними названы репища, лес, болото, мох. Все перечисленные здесь нивы носят собственные наименования, преимущественно от лиц: Васильева нива, Кузнецова, Мосейкова, Оксентьева, Фалалеева, лишь одна нива названа Ярбозер-

⁷¹ «Притеребы» следует различать двух видов: первый — когда расчищают лес, сжигают его, готовят подсеку и сеют хлеб; второй — когда расчищается кустарник около пожни и подготавливается новый участок для покоса.

⁷² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1835, стр. 102.

⁷³ Псковская судная грамота. СПб., 1914, стр. 3.

⁷⁴ А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 87, 88.

⁷⁵ В. О. Ключевский. Отзвыи и ответы. Пгр., 1918, стр. 427.

ской — по озерку.⁷⁶ Сближение нив с подсеками имеет очень веские основания. В правой грамоте, датированной 1557 г., свидетели, вспоминая далекое прошлое, говорят, что посельский Троице-Сергиева монастыря «посылал крестьян монастырских Присецкого села — прятать и сеять нивы монастырские.⁷⁷ «Прячут» подсеки, нивы и палы лишь там, где жгут для подсеки лес.

Трудно учесть все случаи косвенных указаний на подсеки. Свидетели, выступающие в одном из судебных дел (1488—1490 гг.), указывают, что крестьяне «наимовали» у становщика лес на пустошах великого князя.⁷⁸ Регулярно «наимовать» в то время лес для простой порубки не было нужды — это случаи, когда снимались лесные участки для посева хлеба на подсеках. Степень распространения подсек была в прямой зависимости от наличия нетронутых лесов для эксплуатации. А для XIV—XV вв. наличие таких лесов не было редким явлением. Так, при разборе дела о границах между владением Кирилло-Белозерского монастыря и волостной черной землей выясняется, что один крестьянин посека «полянку лес дичь» и пахал ее. А вслед за этим указывается судьям, определяющим границу земельных владений, что здесь «лес дичь», «а топор с топором не шелся».⁷⁹ Случаи, когда границы земельных владений неясны, так как идут по большому лесу, были нередким явлением: «Опроче старого лесу, который лес не в мере», — говорится в одной грамоте.⁸⁰ Некоторые из землевладельцев (монастыри) этим и пользуются, чтобы усиленно эксплуатировать такой лес, а если удастся, то и присвоить его.⁸¹ «Лес старь», «лес дичь», «поверстный лес» — явления, обычные для древней Руси. В эти неосвоенные леса и идут земледельцы для разработки подсек. Следует вспомнить, что Судебник 1589 г. специально ставит и решает важный для нас вопрос о лесах как о базе для разработки подсек. Статья 175 гласит: «А черной лес пахати в суземке просто, без делу, где не молодь, кто сколько может: то лес вопчей царев и великого князя». А когда еще не было царя или московского великого князя, то роль верховных хозяев неосвоенных черных земель, по понятию сельского населения, принадлежала удельным князьям земель или господину Великому

⁷⁶ Архив Строева, т. I, № 32, стр. 29 (после 1462 г.).

⁷⁷ АГР, № 70, стр. 161, Бежецкий верх.

⁷⁸ АСЭИ, т. I, № 539 (стр. 417—418), Костромской уезд.

⁷⁹ АГР, № 7, стр. 4.

⁸⁰ АЮБ, т. II, № 156, XVII (1517 г.), Кашинский уезд.

⁸¹ АСЭИ, т. I, № 58 (конец XV в.); АГР, № 20, Белозерье, р. Шексна.

Новгороду. Выраженная в этой статье мысль, конечно, не является плодом московских законодателей; она была действительна и до них. Эта статья дополняется ст. 177, которая уточняет, с какого места после межи, отделяющей деревенский лес (после «посека»), начинается лес «вопчей царя и великого князя».⁸²

Наши документы XIV—XV вв. называют «лес пашенный», «лес старь», «леса поверстные»; их можно расценивать как базу для разработки подсек.

В Белозерье, в Обонежье подсечное земледелие выступает еще под названием «посекирной пашни». С особенной ясностью оно описано как регулярно практикующееся занятие в «Книге дозора черных волостей Заонежских погостов (Обонежской пятины)» дьяка Ивана Льговского, 1619 г.⁸³ Имеются сведения о «посекире» и «посекирной пашне» в Карелии.⁸⁴ Подсека в XIV—XV вв. была всюду, где главной основой для ее существования являлся лес. Но она отступила перед паровым земледелием на второй план даже в тех районах, где «лесу стари», где «поверстного лесу» и вообще лесу много. Она лишь сосуществует с паровой системой земледелия. В хозяйстве земледельца разработка подсеки являлась подспорьем, поскольку такое подспорье нужно и есть условия для того, чтобы им воспользоваться, и если есть для этого свободные рабочие руки.

Нет оснований вспоминать о заманчивых сторонах подсечного земледелия, не нужно напоминать о тяжелом изнурительном труде при разработке подсеки. Но необходимо указать, что на подсеке неплохо родились рожь, ячмень, овес и другие зерновые хлеба. На подсеке вырастал хороший лен. С подсеками связаны высокие урожаи репы. Когда в старых документах говорится о репище, то естественно в этом случае вспомнить о подсеке.

Следует отметить, что и от древней Руси,⁸⁵ и от XVIII—XIX вв. сохранились рассказы о случающихся очень высоких урожаях хлебов на подсеках.

В лесной полосе Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, т. е. на изучаемой нами территории, паровая система земледелия или земледелие с одногодичным паром, будь то двухполье

⁸² Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 405; см. комментарий ко всем этим статьям на стр. 532—535.

⁸³ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, по Новгороду, № 12, лл. 22 об., 240 об., 245 об., 246.

⁸⁴ Р. Б. Мюллер, ук. соч., №№ 67, 85, 95, 150, 201, 209, 219 (1650—1694 гг.).

⁸⁵ Записка Ал. Гваньини. Подсечное хозяйство в Белоруссии. Перевод отрывка из сочинения 1571 г. Помещен в кн.: История Беларуси у документах и матеріялах, т. I. Минск, 1936, стр. 133—135.

или трехполье, не может существовать без внесения удобрения на поля.

Источники позволили нам твердо установить, что в сельских поселениях лесной полосы Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в поселениях обновленного типа — деревнях, о появлении которых к началу XIV в. мы можем говорить уверенно, во всех их обязательно была полевая пашня, и именно не подсечная, а полевая пашня. Трудно представить здесь земледелие в ином виде, как только в форме паровой системы. Показания документов сходятся в этом. Чтобы была полная ясность в данном вопросе, нужны еще указания на применение удобрения земледельцами — хозяевами этих полей. А те обрывки письменных источников, какие дошли до нас, не дают никаких сведений по этому вопросу. Есть у нас косвенные указания на то, что не все районы одинаково остро нуждались в удобрениях для ведения парового земледелия. В записках Г. Штадена в той части, в какой он дает характеристику географических, экономических и других особенностей отдельных областей Русского государства, особо выделяется Рязанская земля, автор пишет о ней: «Область эта — ворота Русской земли и Москвы. Рязанская земля такая прекрасная страна, что подобной ей я и не видывал. Если крестьянин посеет 3—4 четверика, то ему еле-еле хватает сил, чтобы убрать урожай. Земля тучна. Весь навоз свозится к рекам: когда сходит снег и прибывает вода, то навоз весь сносится водой».⁸⁶ В общем отзыве о Рязанской земле, может быть, и есть некоторое заведомо преувеличенное восхищение. Но вот по вопросу о навозе его (Штадена) никто не вызывал ни на высказывание, ни на преувеличения. В 1572 г. Штаден был «на берегу» р. Оки во главе одного из разездов передового полка Дм. Ив. Хворостинина. В это время он и мог наблюдать жизнь в Рязанской земле, тогда-то он и видел навоз на берегах рек, вывезенный туда за ненадобностью. Поэтому мы можем все сообщенное Г. Штаденом о навозе принять за правдивое свидетельство о Рязанской земле середины XVI в.

Известно, что и позднее, в XVII и XVIII вв., почва в большей части Рязанской земли была такой, что поля не нуждались в удобрениях.⁸⁷ Мы должны внимательно учитывать все мест-

⁸⁶ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки опричника. М., 1925, стр. 76; Д. Н. Прянишников. Частное земледелие. М.—Л., 1929, стр. 13.

⁸⁷ Ответы на анкету Вольного Экономического общества о земледелии и домостроительстве. Ответы провинции Переяславля-Рязанского. «Почва разная: а) чернозем, не требующий навоза; б) глинистая и иловатая и в) песчаная, — которые надлежит уваживать». Труды Вольного Экономического общества, 1767, ч. VII, стр. 51—56.

ные особенности края, которые могут сказываться на состоянии хозяйства, на развитии земледелия. Все эти различия в почве, климате, рельефе очень устойчивы и присущи XV и XIX вв. Надо иметь в виду, что и на малом пространстве могут быть очень большие различия в почве.⁸⁸ Нельзя забывать о больших преимуществах пойменных почв в условиях нечерноземной лесной полосы. Но все же в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси было немного районов с черноземной почвой, где внесение удобрений не было бы обязательным при паровой системе земледелия.

Первое упоминание об удобрении в дошедших до нас письменных памятниках мы находим в «Послании митрополита Фотия литовским православным священникам и мирянам», датированном 1419/20 г.: «Человек сам себе винограду делатель и сие бо лето да покаемся и се бо есть окопати и осыпати гноем»,⁸⁹ — пишет Фотий, имея в виду уход за садовыми деревьями. В витиеватом послании митрополит-грек пользуется в качестве художественного образа уходом за плодовыми деревьями и говорит об окапывании их и о внесении удобрения — «гноя» вокруг них. Позднее, в XVI в., когда в наших письменных памятниках довольно часто говорится о вывозимых на поля удобрениях, мы встречаемся с тремя названиями для удобрений: «навоз», «назем», «гной». В порядной на деревню, данную Лодомской церкви в 1560 г., в числе обязанностей, взятых на себя порядившимся крестьянином, значится: «та деревня сеяти, и орати и сено косити, и гной на землю возити».⁹⁰ В других порядных той же церкви указывается на обязанность «навоз на поля возити».⁹¹ В приходо-расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря в записях 1570—1580 годов удобрение называется еще «назем» и говорится о «гноевозцах», «наземщиках»,⁹² вывозивших удобрения на поля. Так устанавливаются три названия для применяющегося на полях, огородах и садах удобрения: «гной», «навоз» и «назем». Нам нет особой необходимости искать особого различия между ними. Когда Фотий писал о «гноем», то нет

⁸⁸ П. Великосельцев. Об оценке навоза в русском сельском хозяйстве. Труды Вольного Экономического общества, 1867, т. II, вып. 1, стр. 5—10. — Автор указывает на ряд соседствующих районов в Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерниях, из которых в одних навоз выбрасывается, а в других наблюдаются неурожаи из-за отсутствия удобрений.

⁸⁹ ДАИ, т. I, № 183, Послание митрополита Фотия литовским православным священникам и мирянам (1419/20 г.), стр. 343.

⁹⁰ РИБ, т. 14, № 38 (1560 г.), стр. 60; № 58 (1573 г.), стр. 91, 92.

⁹¹ Там же, № 58/4 (1579 г.), стр. 94—96; № 58/5 (1580 г.), стр. 95—97.

⁹² ЛОИИ, ф. 271, ол. 2, № 1, лл. 28, 32 об., 37, 38.

сомнений. что он думал именно об удобрении, применяемом и в садах, и в огородах, и на полях. Необходимо учесть здесь одно немаловажное обстоятельство — Фотий был грек. Он долго не мог достаточно хорошо изучить русский язык, чтобы обходиться без переводчиков при составлении посланий и других сложных ответственных документов. Можно думать, что переводчик помогал ему и при составлении этого послания.⁹³ Упоминанная о «гное», русский переводчик, конечно, имел в виду удобрение, широко известное и имевшее большое распространение на Руси. Значит о «гное», об удобрении говорит не только грек-митрополит, но и русский переводчик, правщик его проповедей.

В литературе по истории сельского хозяйства⁹⁴ указывается на датируемый 1543/44 г. документ, из которого мы узнаем, что практика регулярного удобрения полей навозом является делом очень давним, само собой разумеющимся, привычным; использование навоза широко распространено как в крестьянском хозяйстве, так и на полях и огородах феодалов. В этой сотной в качестве обязанности крестьянам указано: «а навоз им возити на великого князя пашню своих дворов по тритцати колышек на десятину, а мера колышке в длину и поперег четыре пяди, а вверх две пяди».⁹⁵

Длительный разрыв в письменных известиях об удобрениях для полей заполняется упоминанием (столь же случайным, как и упоминание «гноя» в послании московского митрополита) о «навозе» в судном деле 1490-х годов о заречной земле с. Ивановского Московского уезда.⁹⁶ Представитель одной из тяжущихся сторон Василий Узкий в ходе судебного разбирательства заявил: «... а что ... называет Семенко Кожа Сонинскую землю селищом, да и камень на нем старое сказывает; ино яз, господине, возил на ту землю за речьку навозъ, да и камень, господине, дворовое на нем есть».⁹⁷ Выступающие в этом деле знатоки говорят, что знают упоминаемую землю Сонинскую еще

⁹³ Е. Е. Голубинский, ук. соч., стр. 382.

⁹⁴ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 110.

⁹⁵ АФЭХ, ч. II, № 178, Сотная на дворцовое село Буйгород Волоцкого уезда (1543/44 г.), стр. 177.

⁹⁶ Правая грамота Симонова монастыря крестьянину Василию Узкому на землю Заречье в Горетовом стане Московского уезда, бывшую в споре с крестьянином Семеном Кожей (ГИМ, Отдел письменных источников, № 58, Копийная книга Симонова монастыря, лл. 115, 119).

⁹⁷ Там же, л. 115 об. — Слово «навозъ» написано ясно, крупно, с твердым знаком на конце; при издании этого документа вкралась опечатка: вместо слова «навоз» написано «на взвоз» (АСЭИ, т. II, № 404, стр. 414). Чтение интересующего нас места заново проверено по подлиннику — ошибка у издателей.

«до мору», т. е. до 1420 г., а в момент суда это «третье поле» монастырской деревни.

Общие, отвлеченные суждения направляют мысль к тому, чтобы признать естественным, при наличии конюшен, хлевов и других помещений для скота, при стойловом содержании скота, регулярное накапливание навоза или «гноя», т. е. того удобрения, которое получается при малом количестве подстилки или совсем без подстилки соломы. Об этом «гное» — удобрении и упоминается в послании митрополита Фотия. Указание же на вывоз навоза крестьянином на полевой участок в судном деле конца XV в. важно потому, что отмечает такое применение удобрения как явление, обычное для крестьянского хозяйства, и притом хозяйства, ведущегося в форме трехпольной паровой системы.

Мы считаем, что у нас теперь есть достаточно данных, чтобы объяснить давнее постепенное накопление в каждой возникавшей деревне больших участков полевой пашенной земли. Эта полевая пашенная земля — основа паровой системы земледелия — возникала и накапливалась постепенно благодаря применению удобрений.

Районов с плодородной черноземной почвой, подобных описанному Г. Штаденом в Северо-Восточной и тем более в Северо-Западной Руси, было мало. Поэтому следует считать, что при введении паровой системы применение удобрения было обязательным почти во всей лесной нечерноземной полосе; только в этих условиях можно было вытеснить подсеку. Написанное А. Гваньини сочинение о сельском хозяйстве также указывает на применение навоза на пахотных полях (вне подсеки).⁹⁸ Письменные сведения о хлевах, конюшнях и других местах для содержания скота относятся еще к XI—XII вв.,⁹⁹ они обычны и для XIII—XV вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси;¹⁰⁰ данные же археологии о таких помещениях восходят к самой глубокой древности.¹⁰¹ Навоз или «гной» накап-

⁹⁸ «На полях этого рода (т. е. на подсеках. — Г. К.) сеют в продолжении 6 или 8 лет, не подкладывая навоза или удобрения», — пишет А. Гваньини (ук. соч., стр. 133—134), подразумевая, что на других пашенных полях применяются и навоз и другие удобрения.

⁹⁹ Правда Русская, т. I. Тексты. М.—Л., 1940, Краткая — ст. 38, Пространная — ст. ст. 41 и 58; Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа мирликийского чудотворца. СПб., 1888, стр. 34, 44.

¹⁰⁰ Чаев, стр. 147; Житие святого Стефана, епископа пермского, написанное Елифаном Премудрым. СПб., 1897, стр. 17.

¹⁰¹ Внутри двора и возле дома на скотном дворе, датированном IX—X вв., — «мощные пласты стойлового навоза» (Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. Советская археология, № 14, 1959, стр. 139—169).

ливался в конюшнях, хлевах; естественно, что он и использовался как удобрение. При буквальном истолковании текста из послания Фотия о применении «гноя» можно говорить, что удобрения применялись в саду, огороде, на усадьбе земледельца. Но едва ли нужен большой перелом в ведении земледелия для того, чтобы это же удобрение использовать и на прилегающем к усадьбе полевом участке. Паровое пашенное земледелие расширялось одновременно с развитием скотоводства. С полей в конюшни и хлева на подстилку скоту пошла солома. Появился «навоз» в том смысле слова, в каком он называется в письменных памятниках XV, XVI и последующих столетий, тот самый навоз, который до сих пор является основным удобрением для пахотных полей. Рядом со словом «гной» появляются слова «навоз», «назем», обозначающие удобрение, вывозимое на пахотные поля. Думаем, что это одна из сторон общего развития земледелия, тесно связанная с общим успехом развития полевого пашенного земледелия в форме паровой системы.

Когда же все это было? Случайные упоминания «гноя», «навоза» и «назема» связаны с началом XV в., со второй половиной XV в. и, наконец, с 1540 г., но именно в силу того, что все эти упоминания случайны, они непригодны для того, чтобы по ним датировать развитие мероприятий по применению удобрений. По ним можно судить лишь об отдельных моментах в общем развитии этого процесса. Мы можем уверенно говорить о привычности удобрения крестьянских полей навозом во второй половине XV в. Сотная на с. Буйгород указывает не только на привычность применения удобрения на полях, но и на то, что в крестьянских хозяйствах давно применяли навоз, а в момент, к какому относится этот документ, навоз заготавливался и использовался крестьянами в очень большом количестве: 30 «колышек» на десятину для дворцового великокняжеского хозяйства и, конечно, столько же и так же регулярно на 6 десятинах своей собственной пашни в каждом крестьянском хозяйстве. Для накопления навоза требовалось большое количество скота на дворе и соломы, а значит и большого посева хлебов.

Наше внимание было сосредоточено на том, как решался вопрос о повышении урожайности хлебов, ее устойчивости, и на мерах агротехнических. Наряду с этим и в то же время (в XI—XV вв.) решались еще другие, связанные с реорганизацией земледелия вопросы. В числе таких был и вопрос об отборе и освоении для возделывания более полезных и пригодных зерновых культур, овощей, корнеплодов, прядильных культур и т. д. Так, в результате настойчивых поисков и практической проверки решений земледелие постепенно принимало черты системы. Такой системой выступает паровая трехпольная система.

Многовековое господство паровой трехпольной системы земледелия показывает, что по линии совершенствования сельского хозяйства было найдено решение, удовлетворявшее не только современников, но и десятки последующих поколений. С распространением паровой трехпольной системы земледелия на Руси поднялось на свою высшую ступень, отражавшую уровень развития производительных сил феодального общества.

Трехполье предполагает наличие в каждом сельскохозяйственном хозяйстве постоянных полей, полевой пашенной земли в размере, необходимом для посева зерновых хлебов. Как система земледелия трехполье характеризуется: 1) применением пара в качестве необходимой меры для поднятия урожайности эксплуатируемых полей; 2) трехлетним севооборотом и разделением всей обработанной под посев площади на три доли (поля) и 3) посевом посменно в каждом поле после пара озимых хлебов, а после озими — яровых хлебов.

Весной поднимался пар. После этого, в июне, на поле вывозился навоз; упоминавшаяся сотная 1543/44 г. определяет его количество в 30 «колышек» на десятину. Потом разбросанный на полосах навоз заваливался, при этом в одном из документов рекомендуется пахать два раза, а затем поле еще раз вспахивалось перед посевом озимого хлеба, ржи. Рожь сеяли в первой половине—середине августа (подразумевается счет времени документов, т. е. по старому стилю). Выросшая озимь шла под снег на зиму. В следующее лето здесь росла и вызревала озимая рожь — было озимое поле. В последнюю декаду июля—первой половине августа рожь созревала, и в это время жали и убирали ее. Вегетационный период ржи около 360 дней. На третий год в конце апреля—начале мая в этом поле высевались яровые хлеба. Яровые созревали в августе, несколько позднее ржи. Сроки созревания и уборки озимых и яровых хлебов могли задерживаться из-за непогоды, яровых же хлебов — еще и из-за позднего посева. Последнее же могло вызываться и запозданием весны. Озимый хлеб мог сеяться только на пару. Посев озимых хлебов после яри был невозможен уже потому, что ко времени посева озимой ржи яровые хлеба еще не успевали сжать и убрать, а между тем перед посевом следовало провести хорошую обработку почвы.

При правильном трехпольном севообороте озимые и яровые хлеба по времени не мешали друг другу, а хорошо сочетались в едином цикле севооборота. Было найдено удобное место для пара, когда принимались меры для отдыха полей, для восстановления и повышения их урожайности. Порядок трехпольного севооборота оказался таким, что включал строго проверенные практикой решения по всем основным вопросам сельскохозяйственного

производства. За трехлетний цикл севооборота ежегодно получались урожаи с двух полей из трех; земледелец ежегодно собирал урожаи озимых и яровых хлебов. Пустующей, а на самом деле отдыхающей, находящейся под паром, была только одна треть всего пашенного клина, паренина.

Паровая обработка земли предусматривала и уваживание полей. Она успешно разрешала задачу по восстановлению и повышению урожайности. В изучаемое нами время трехполье являлось ярким показателем успешного развития земледелия. Паровая система земледелия, выступающая в форме трехполья, вытесняет подсечное земледелие. С течением времени, в одном районе за другим, трехполье становится господствующей системой земледелия.

Для конца XV—начала XVI в. хорошо известны прямые свидетельства писцовых книг и многочисленного актового материала, дополняющего писцовые книги, о широком распространении и господстве трехпольной системы земледелия в сельском хозяйстве Русского государства в это время. Но чем дальше вглубь, в прошлое, тем меньше источников, тем сложнее изучение рассматриваемых вопросов. Источников по вопросам сельскохозяйственного производства уже ничтожно мало для 50—60-х годов XV в.

Встречающиеся в письменных памятниках более раннего времени (первой половины XV, XIV—XII вв.) редкие сведения о земледелии отрывочны, случайны; обычно они рассказывают о единичных явлениях, а чаще это лишь косвенные попутные указания, случайные намеки в документах, не имеющие прямого отношения к сельскохозяйственному производству. Но и эти отрывочные косвенные указания от разного времени и из разных мест получают ясный смысл и приобретут вес и значение ценных свидетельств, если поставить их на должное место, верно и до конца прочитать их. В центре нашего внимания — земледелие, переживающее период перестройки и подъема. Писцовые книги, источник конца XV в., кратко излагают сведения о сельском хозяйстве, о размере полевой запашки, о населении в каждой деревне. Так массовым показом явлений сельскохозяйственной жизни они раскрывают картину уже привычного для всех, прочно установившегося господствующего трехполья. В более же ранних, очень малочисленных документах, в их немногих случайных прямых и косвенных указаниях на земледелие естественно прежде всего видеть и искать явления, общие с трехпольем или с ним как-то связанные. Наше чтение начнем с таких документов, в которых эта связь определяется яснее и проще.

В меновой Троице-Сергиева монастыря с боярином В. Ф. Кутузовым на села в Волоцком уезде (а позднее — в Руз-

ском и Дмитровском уездах¹⁰²) сказано о предмете мены. Троицкий монастырь меняется: «Тарховским селом, Тамачюковым, да другим селом Дорским, и з деревнями и с пустошми, и с луги, и с пожнями, и с лесом, и с ужинькою, и с хлебом, которой в земле и на полах, и с рожью, и с ярью, стоги и с сеном». И выменял «села Нестеровское да Карповское, и з деревнями, и с пустошми, и с луги, и с пожнями, и с лесом, и с хлебом, которой в земле и на поле, с рожью, и с ярью, и с сеном, со всем что к тем селом потягло, куды его соха, топор, коса ходила». Меняются селами, деревнями и пустошами старых вотчин, возникших, как и села, не позднее середины XIV в. Судя по состоянию хлебов (рожь и ярь на поле уже были выжаты), время сделки падает на самую осень, на сентябрь, а может быть, и на октябрь. Меняющиеся стороны предусматривают передачу одна другой: хлеба, «который в земле», т. е. ржи — озимого хлеба, не столь давно посеянного, и хлеба на полях ржи и яри «стоги», т. е. сжатой ржи (озимого хлеба) и яри, хранящихся на полях в стогах. Перед нами совершенно ясная картина хозяйства с трехпольем: на первом поле засеяна озимь — рожь (хлеб в земле), на втором и на третьем уже сжатые ярь и рожь (озимая).

Подобную же картину, но приуроченную к другому сезону, рисует духовная землевладельца Переяславского уезда Патрикея Строева.¹⁰³ Завещатель, после указания на то, как распределяется домашний скот среди его наследников — двух старших сыновей (Доронки да Фетки) и женой с младшими детьми, — пишет следующее в отношении хлеба: «А што моего хлеба, ржи ли, яри ли, то им (наследникам — двум старшим сыновьям и жене с младшими детьми, — Г. К.) по жеребию. А што им сеяти ныне рожь в земле, то им по половинам».

Время составления завещания — около середины лета, когда в двух полях растут или созревают рожь (озимая) и яровые хлеба, а третье — паровое поле — предназначено для посева озимой ржи. В завещании говорится, что наследники будут сеять озимую рожь по половинам, по своим полям. А в отношении созревающих ржи и яровых хлебов указывается — делить их по жеребьям, т. е. кому какое счастье выпадет, какой участок — жеребей достанется, тот и соберет хлеб с этого участка.

Конечно, если бы это зерно было в закромах, то его легко могли бы измерить и разделить поровну; да и завещатель

¹⁰² АСЭИ, т. I, № 62 (1428—1432 гг.), стр. 58—59.

¹⁰³ Там же, № 11 (1392—1427 гг.), стр. 31—32; ранее издана в АЮБ, т. I, № 82, стр. 543—544.

не назвал бы все это зерно огульно «ярью» — наименованием общим, а перечислил бы конкретно, указав, что пшеницу, овес, жито (ячмень) и другое следует разделить. Завещатель, конечно, имеет в виду яровое поле с растущим на нем яровым хлебом.

В обоих разобранных документах имеется в виду трехполье — давно и прочно установившаяся система организации земледельческого производства.

Села, указанные в меновной и духовной, старше тех лет, какими датируются эти документы: мы не знаем, когда они возникли, но завещатель — владелец сел из духовной грамоты — успел уже прожить долгую жизнь до того, как стало для него своевременным составлять духовное завещание. Это ведет нас к середине XIV в. К этому времени мы должны отнести и трехполье в разобранных селах, привычное и естественное.

Трудности с источниками особенно сказываются на освещении начального периода истории трехполья, при решении вопроса о времени его появления.

Такие условия благоприятствовали распространению мнения об очень позднем появлении трехполья (лишь к концу XV в.), хотя и не было прямых документальных оснований для этого. Сторонники такого мнения указывают, что убедительны и имеют значение лишь свидетельства с прямыми указаниями на трехполье или упоминание о столь ясных его признаках как паровое поле, перечисление трех полей или одновременное указание и на озимое и на яровое поля. Не бесполезно познакомиться ближе с этими документами, на которые ссылаются люди, столь строгие при датировке трехполья.¹⁰⁴ Верно ли, что действительно говорится только о начале распространения трехполья? Первой разберем часто упоминающуюся в литературе жалованную грамоту митрополита Феодосия игумену Михайло-Архангельского монастыря (1462 г.) на земли «на Михайловой стороне».¹⁰⁵ Среди дошедших точно датированных документов это один из ранних, содержащих прямое указание на трехполье. В этой жалованной мы читаем: «Се яз Феодосий митрополит всеа Руси пожаловал есть игумена Парфена... ослободил есмь ему пахати церковную землю пречистыа Богородицы и свою митрополичью архангельскую и с нынешнею парениною».

¹⁰⁴ Н. П. Огановский. Закономерность аграрной эволюции, ч. 2. Очерк по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911, стр. 67—68.

¹⁰⁵ АФЭХ, ч. 1, № 158 (1462 г., 4 августа), стр. 111.

Упоминание о паренине, конечно, очень ясно указывает на трехполье. Всякий внимательный читатель скажет, что здесь давно заведенное привычное трехполье, начало которого трудно искать и не найти. Но следует обратить внимание еще на два любопытных места в документе. Митрополит пожаловал и указал пахать землю «и с нынешнею парениною», указание же дано 4 августа, т. е. тогда, когда уже подошло время для посева озимого хлеба на паренине; неделя-две промедления — и сеять было бы уже поздно. И вот это обстоятельство явилось причиной упоминания «паренины», «нынешней паренины». Исключительная случайность послужила причиной того, что в данном документе 1462 г. оказалось прямое указание на «паренину», а значит и на трехполье.

Среди документов, содержащих прямые указания на трехполье, можно назвать правые грамоты, судные списки, разъезжие. В излагаемых в этих документах опросах свидетелей-знахорей, при описании производимых в ходе судебного разбирательства осмотра земельных владений, спорных угодий, при указании меж, нередко называются ржаные, яровые поля, третьи поля и т. д.; свидетели-знахори рассказывают, что знают эти поля и другие угодья уже многие десятки лет, а от отцов и дедов знают о них и еще много больше.

В судном докладном списке о земле Косовской, датированном около 1470—1479 гг.,¹⁰⁶ сказано: «И тот... Нелидко припустил тое земли к себе сего лета в поле яровое и в паренину; в яровое, господине, поле впустил четверти на три, и в паренину на четверть. Да огороду... собрал с межи... да поставил... огороду по монастырской земле».

Знахори-свидетели говорят, что эти изгороди стояли и поля были давно: «помним лет за 50».¹⁰⁷ Значит, и земледелие в форме трехполья также ведется давно — с 1420-х годов.

В целях сбережения места все эти указания на третьи поля, на паренину, как прямые непосредственные свидетельства о случаях трехполья сведем в одну таблицу.

Бросается в глаза случайность этих отметок в документах о трехполье. Указано о паренине и о трехполье в Двинской земле и в Заозерье, на Кубене в Вологодском уезде. Но почему-то нет указаний ни на Ростовский уезд, ни на Рязанскую землю. Случайны и высказывания о времени существования и паренины и третьих полей: они были привычными. И можно думать, что судить по ним о времени появления трехполья нельзя.

¹⁰⁶ АСЭИ, т. I, № 397.

¹⁰⁷ Там же.

Указания на «паренну» и «третьи поля»

№ по пор.	Источник	Дата документа	Практика трехполья	Район	Примечание
1	Жалованная грамота митрополита игумену Михайло-Архангельского монастыря на землю на Михайлове стороне (АФЭХ, ч. I, № 158; АЮБ, т. II, № 173/1).	1462 г., 4 августа.	Паренина, издавна существующая.	Суздальский уезд.	
2	Судный докладной список Троице-Сергиеву монастырю на землю Косовскую (АСЭИ, т. I, № 397).	Около 1470—1478 гг.	Свидетели помнят о распределении угодий между деревнями, а с этим и об обычных паровом и яровом полях около 50 лет.	Нерехотская волость, Костромской уезд.	Паренина во второй четверти XV в.
3	Жалованная меновная грамота великого князя Троице-Сергиеву монастырю на землю (АСЭИ, т. I, № 424).	1474 г., 27 августа.	Третье поле.	Волость Воря, Московский уезд и Кинельский стан, Переяславский уезд.	
4	Правая грамота Троице-Сергиеву монастырю на пустошь Кашино (АСЭИ, т. I, № 523).	1485—1490 гг.	Свидетели помнят о третьем поле 60—30 лет.	Костромской уезд.	Паренина ко второй четверти XV в.

Продолжение

№ по пор.	Источник	Дата документа	Практика трехполья	Район	Примечание
5	Судный список Троице-Сергиеву монастырю на третье поле с. Поемечья (АСЭИ, т. I, № 540).	1488—1490 гг.	Свидетели помнят о третьем поле за 70 лет.	Нерехотская волость, Костромской уезд.	Трехполье в 1420-х годах.
6	Жалованная грамота великого князя Савво-Сторожевскому монастырю и запись о выдаче правой грамоты на пустоши с. Каринского (Исторические материалы о церквях и селах, вып. 2. М., 1882, стр. 86—87; ЦГАДА, ф. 281, ГКЭ, № 4675, по Звенигороду).	1454 г., 17 апреля—1480 г. (правая грамота угличского князя Андрея Васильевича Большого).	Помнят о третьем поле за 60 лет.	Звенигородский уезд.	Запись на обороте жалованной грамоты о выдаче правой грамоты; в этой записи говорится о третьем поле с. Каринского, о котором помнят уже 60 лет.
7	Правая грамота Симонову монастырю на землю Заречье (АСЭИ, т. II, № 404).	1490—1498 гг.	Помнят о третьем поле за 50 лет.	Горетов стан, Московский уезд.	Трехполье к середине XV в.
8	Жалованная грамота князя вологодского Даниила Александровича Спасо-Каменному монастырю на земли в Закубенье (ДАИ, т. I, № 21).	1497 г., 9 августа.		Вологодский уезд.	Пустошь Агапитовская — третье поле к дер. Подольскому.
9	Судный список Троице-Сергиева монастыря на селище	1497—1498 гг.	Помнят о третьем поле за 80, за	Шуткинский стан, Юрьевский	Трехполье в 1420—1450-х годах.

Продолжение

№ по пор.	Источник	Дата документа	Практика трехполья	Район	Примечания
10	Медвежье (АСЭИ, т. I, № 615). Правая грамота митрополичьему поселскому на селище Попково (АФЭХ, ч. I, № 114).	Конец XV в.	60, за 40 и за 20 лет. Помнят о третьем поле за 50 лет.	уезд. Коломенский уезд.	Трехполье к середине XV в.
11	Правая грамота Толгскому монастырю о земле Хиновской (Княжне и царские грамоты Ярославской губернии. Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1881, т. I, № III, стр. 6—8).	1501 г. 20 января.	Помнят за 50 лет, и о третьем поле за 30 лет и за 14 лет.	Шаховская волость, Ярославский уезд.	Трехполье в 1450—1470-х годах.
12	Правая грамота митрополичьему поселскому о деревнях Минского стана (АФЭХ, ч. I, № 258).	Около 1501—1502 гг.	Помнят о третьем поле за 80, за 50 и за 30 лет.	Минский стан, Костромской уезд.	Трехполье в 1420—1450-х годах.
13	Правая грамота на дер. Олешинскую (АСЭИ, т. I, № 658).	1505 г., 18 апреля.	Ссылка на показания старожильца.	Вольская волость, Пошехонский уезд.	
14	Жалованная льготная грамота на землю на р. Мортке крестьянам Гороховской волости	1497—1498 гг. и 1520 г., ноябрь.	Поставлен починок на третьем поле 30 лет тому назад	Гороховская волость, Нижегородский	Устанавливается сопоставлением документов вре-

Продолжение

№ по пор.	Источник	Дата документа	Практика трехполья	Район	Примечания
15	(АСЭИ, т. II, № 489) и судный список о земле Раменских деревень Гороховской волости (Акты Лихачева, II, стр. 167, 168). Судный список о сожжении дер. Ильинской Спасо-Евфимьевского монастыря (АСЭИ, т. II, № 495; Архив Строева, т. I, № 74; АЮ, № 10).	1503 г., 30 июня.	Указано на существование паренины еще до поджога деревни.	уезд. Суздальский уезд.	мя построения починка и деревни 1497 г. и то, что в деревне сразу же заведено трехполье. Паренина конца XV в.
16	Грамота митрополита о селах Царе-константиновского монастыря (АФЭХ, ч. I, № 205).	1495—1511 гг.		Владимирский уезд.	Предписывается перемерить в селах землю с расчетом иметь пахотной земли по ровну в каждом поле.
17	Отводная грамота на митрополичьи земли (АФЭХ, ч. I, № 51).	1498—1499 гг.		Московский уезд.	Указан размер полевой пашни в каждом из трех полей.
18	Выпись о количестве пашенной земли в дер. Лихорадовской (АФЭХ, ч. I, № 52).	1498—1499 гг.		Московский уезд.	То же.

№ по пор.	Источники	Дата документа	Практика трезполя	Район	Примечания
19	Выпись из писцовых книг на митрополичьи владения (АФЭХ, ч. I, № 166).	1498—1499 гг.		Опольский и Боголюбский станы, Владимирский уезд.	Величина запашки указывается с расчетом на трехпольную систему земледелия (АФЭХ, ч. I, стр. 152, 153).
20	Выпись о селлах и деревнях Троице-Сергиева монастыря по писцовой книге 1504 г. (АСЭИ, ч. I, № 649).	Начало XVI в.		Переяславский и Радонежский уезды.	О наличии трех полей указано лишь в отношении одного с. Липкова, в котором два поля в Переяславском уезде, а третье за рекой в Радонежском уезде.
21	Разъезжая грамота великого князя Ивана III Васильевича на гг. Дмитров, Рузу, Звенигород с московскими станами и волостями (АДГ, № 95).	1504 г.		Московский и Звенигородский уезды.	Указано расположение третьего поля, потому что оно за рекой и в другом уезде (АДГ, стр. 381).

Мы будем невнимательными, если в некоторых купчих и жалованных не заметим стремления монастырских хозяев путем купли и пожалований обеспечить трехполье в своих селах и деревнях. В купчей на деревни Тимонинскую и Матвеевскую мы читаем: «Купил есми землю... Троице-Сергиеву монастырю... деревню Тимонинскую да деревню Матвеевскую, да впушена в поле к тем двема деревням деревня Оксеновская».¹⁰⁸

В другом же документе говорится, «что в моей (угличского князя Андрея Васильевича, — Г. К.) отчине на Угличе въ их (Троице-Сергиева монастыря, — Г. К.), селе Прилутцком к Родивоновской деревне пригородили к двема полем моее земли Павловского села, и яз князь Андрей Васильевич... обыскав... пожаловал дал есми ту землю в дом (Троице-Сергиева монастыря, — Г. К.)».¹⁰⁹

В Северо-Восточной и Северо-Западной Руси основным озимым хлебом была рожь при достаточном разнообразии яровых. Яровыми же были овес, ячмень, пшеница и другие хлеба. Естественно считать, что в условиях трехполья ржи могло быть больше, чем овса, или пшеницы, или ячменя. Озимые хлеба занимали равную площадь с яровыми, только яровые гуще высевались.

Посев четко разделяемых озимых и яровых хлебов, установившийся ассортимент зерновых и определенное соотношение между ними являются признаками, также позволяющими распознавать трехполье. Трехполье по сравнению с подсекой придавало достаточную организационную стройность, четкость полевому хозяйству, да и всему земледельческому хозяйству в целом.

Руководствуясь этими вторичными, но в совокупности своей ясными и важными признаками, мы можем распознать наличие трехполья и там, где прямо о трех полях не сказано, где не указывается на паренину, не перечислены озимые и яровые поля. Приведем пример. В грамоте великого князя Василия Дмитриевича посельскому с. Красного (близ г. Юрьева) мы читаем: «И ты, мой посельский, давай ис Красново села юрьевскому игумену з братьею... из моего жита изо ржи, изо пшеницы, из овса отчет, да отсыпати десятое, ково к тебе игумен не пришлет, давай им на всякий год, а давай безо всякого переводу».¹¹⁰ Указ предполагает легко учитываемую и регулярно получаемую с полей с. Красного зерновую продукцию. Поименованы три зерновых хлеба (жита): рожь, пшеница и

¹⁰⁸ АСЭИ, т. I, № 85 (1432—1445), купчая на деревни в Каменском стане Дмитровского уезда.

¹⁰⁹ Там же, № 365 (1467—1474 гг.), Угличский уезд.

¹¹⁰ Там же, № 43 (ранее 1425 г.), район г. Юрьева, стр. 48, 49.

овес. Это основная продукция сельского хозяйства с. Красного и тянущих к нему деревень. Живо представляя эти засеянные зерновыми хлебами поля, мы прежде всего невольно вспомним картины, нарисованные в меновой Троице-Сергиева монастыря и В. Ф. Кутузова и в духовной П. Строева.¹¹¹

Зерновая продукция, отмеченная грамотой великого князя Василия Дмитриевича, это озимые (рожь) и яровые хлеба, свойственные трехполью. Грамота рисует живую картину из сельской жизни в районе г. Юрьева, совпадающую с нашими представлениями о трехполье.

Совершенно аналогичное встречаем в с. Сижки Ржевского уезда. Его владелец князь Константин Дмитриевич (а в момент выдачи акта — уже инок Касьян, умер в 1433 г.), сын Дмитрия Донского, приказал давать московскому Симоновскому монастырю «по вся годы по 20 кадей ржи, по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сырцов, да по пуду масла».¹¹²

Здесь те же зерновые хлеба, что и в с. Красном. Из цифр о количестве хлеба, которое Константин Дмитриевич обязывал крестьян (с прилегающими деревнями) давать монастырю, мы видим, что основной зерновой культурой там была рожь — озимый хлеб; яровых хлебов — овса и пшеницы крестьяне дают меньше, чем ржи. Оба документа, как мы видим, служат хорошим свидетельством господства трехполья в этих селах.

То же самое можно сказать и о с. Сваткове. В правой грамоте на церковную землю в этом селе¹¹³ одновременно с указанием на наличие на спорной земле посева ржи, овса и ярицы из слов тяжущихся сторон и свидетелей можно узнать о том, что такая эксплуатация спорной земли ведется с давних пор. Свидетели показывают: «Помним за семьдесят лет, кое та земля великого князя монастырская Покрова... а служили игумены и попы и пахали ту землю и пожни косили».¹¹⁴

Подобное же рассказывается и о селище Горлышевском, засеваемом озимым и яровым хлебом и о котором также довольно давно помнят старожильцы.¹¹⁵ Ту же картину рисует судное дело о земле Федотовской между Симоновым монастырем и И. Саврасовым.¹¹⁶ Это также земля, засеваемая рожью и ярью, а помнят о ней с «великого мору» (т. е. с 1420-х годов).

¹¹¹ См. выше, стр. 288—290.

¹¹² АСЭИ, т. II, № 339 (1379—1433 гг.).

¹¹³ АСЭИ, т. I, № 582 (1495—1499 гг.), Переяславский уезд.

¹¹⁴ Там же, стр. 463.

¹¹⁵ АФЭХ, ч. I, № 117 (1498 г.), Переяславский уезд, стр. 108—112.

¹¹⁶ АСЭИ, т. II, № 400 (1485—1490 гг.), Московский уезд.

То же самое видим мы и на спорной земле с. Быловского. Село это в 1440 г. было дано Симонову монастырю. Свидетели же указывают: «А на тех землях тогда было Васильево (боярина Василия Михайловича Слепого, — Г. К.), жито, рожь и ярь, и мы то жито с тех земель пожали да и поклали».¹¹⁷ Подобные же указания: на ржаное поле и поле яровое (рядом) и на посев на одном из них ржи встречаем в одной мировой Новоторжского уезда,¹¹⁸ в указной грамоте Переяславского уезда.¹¹⁹ В этих документах нет категоричных заверений о трехполье, но есть достоверные показатели в пользу существования здесь трехполья.

От этих примеров логично перейти к случаям, когда документы рассказывают нам об имеющихся у землевладельцев зерновых хлебах: в житницах или на полях.¹²⁰ В духовной великой княгини Софьи Витовтовны, например, наряду с перечислением множества сел и деревень читаем: «А что будет в тех моих селех въ всех хлеба стоячего на поли ржи и яри».¹²¹ У нас, конечно, возникает мысль о трехпольном земледелии в ее селах. Еще более яркий и убедительный пример дают нам духовные старца Андриана Ярлыка и Осипа Окинфова. У первого указывается: «А што в тех деревнях моя рожь старая складена на поли и нынешняя, которая была в земли, и ярь».¹²² О том же сказано и в духовной Окинфова.¹²³ В большом же имени И. М. Крюкова, кроме указания на хлеб, в поле стоящий, и на хлеб в земле, говорится о хлебе в житницах: «700 коробей ржи, 2000 коробей овса, 50 коробей пшеницы, 50 коробей жита, овыдницы 50 коробей, гречню и гороху и коновель четьредесят коробей».¹²⁴

Возникает, естественно, мысль, что в этих хозяйствах земледелие достигло высокого уровня — было паровым трехпольным. То же можно предполагать в отношении хозяйства Цареконстантиновского монастыря.¹²⁵

Из источников по истории сельского хозяйства в древней Руси долгое время оставались в стороне дополнительные ста-

¹¹⁷ Судное дело и правая грамота (первая половина 1470-х годов) о земле с. Быловского Московского уезда; АСЭИ, т. II, № 374 (ок. 1463 г.), стр. 368; № 375 (ок. 1463 г.); старожильцы-знахори помнят события начала XV в.

¹¹⁸ АСЭИ, т. I, № 574 (1493/94 г.), Новоторжский уезд.

¹¹⁹ Там же, т. II, № 414 (1497/98 г.), Коломенский уезд.

¹²⁰ Там же, т. I, № 641 (около 1502—1504 гг.), Переяславский уезд, события более ранние.

¹²¹ ДДГ, № 57 (1451 г.), стр. 175—178.

¹²² АСЭИ, т. II, № 361 (1460 г.), Переяславский уезд.

¹²³ АЮБ, т. I, № 84/1 (До марта 1459 г.).

¹²⁴ АСЭИ, т. I, № 71 (около 1430 г.).

¹²⁵ АФЭХ, ч. I, № 201 (1391 г.).

тьи о приплоде скота и пчел, о прибыли от высеваемого зернового хлеба и от укашиваемого сена и о «сиротьем вырядке». Сведения об этих статьях имеются в списках Карамзинской группы «Правды Русской» пространной редакции.¹²⁶ Еще В. О. Ключевский указал на любопытные черты русского сельского хозяйства XIII в., отраженные в этой поздней вставке в «Правду Русскую». Он отметил, что в основе каждого пункта этих фантастических расчетов положен реальный «инвентарь» какого-то села, «кажется, Ростовской области».¹²⁷ То, что это вставка, не подлежит сомнению:¹²⁸ она не имеет прямого отношения к содержанию «Правды Русской».¹²⁹ Это математические выкладки, не имеющие практического значения. Но в то же время при чтении всех пунктов этих исчислений легко выделяется реальная основа каждого из них: то определенное число овец, свиней, то количество высеянного хлеба; в совокупности же они создают живую картину какого-то очень давно существовавшего хозяйства.

М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» достаточно убедительно доказывает, что в основу фантастических подсчетов приплода скота и прибыли от урожая зерновых хлебов на полях земледельца взяты данные одного типичного для Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. хозяйства.¹³⁰ В нем, как это без труда определяется из текста вставки, имелось: 22 овцы, 22 козы, 3 свиньи, 3 назимых свиньи, 2 кобылицы, «1 лонская телица», «двой пчелы». Указаны мощность зернового хозяйства и размер посева зерновых хлебов: «А в селе сеяной ржи на два плуга». Ржи высевалось 16 кадей, а собиралось ежегодно: 40 копен немолоченой ржи, 15 копен немолоченой полбы, 21 половник молоченого овса, 6 половников ячменя, укашивалось 5 стогов сена.¹³¹

И. И. Смирнов также указал на «статьи о резах» Карамзинской группы списков «Правды Русской» как на замечательный источник для характеристики экономики Северо-Восточ-

¹²⁶ Правда Русская, т. I, стр. 352—354, 377—380; текст этой вставки помещен между ст. ст. 52 и 53.

¹²⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, изд. 6. М., 1916, стр. 284, 285.

¹²⁸ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 178; С. В. Юшков. Русская Правда, происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 129—139.

¹²⁹ С. В. Юшков, ук. соч., стр. 129—139.

¹³⁰ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 178—180.

¹³¹ Правда Русская, т. I, стр. 352—354, 377—379.

¹³² И. И. Смирнов. О путях исследования Русского централизованного государства. Вопросы истории, 1946, № 4.

ной Руси XII—XIV вв. и для решения вопроса о применении трехпольной системы земледелия в это время.¹³²

Объяснение, каким путем такие фантастические математические выкладки могли попасть в «Правду Русскую», дает С. В. Юшков.¹³³ Встает вопрос, к какому времени могли относиться сведения о сельском хозяйстве, положенные в основу математических выкладок, и к какому району принадлежало это хозяйство.

Списки «Правды Русской» Карамзинской группы появились довольно поздно. Текст протографа списков этой группы создан в результате компиляции из списков Троицкой и Пушкинской групп.¹³⁴ И когда М. Н. Тихомиров, высказываясь о времени появления этой записи о приплоде скота и прибыли от урожая хлеба, датирует ее XIII—XIV вв., то правильнее выбрать более позднюю границу вставки—XIV в. Счет на гривны, куны и резаны—давний счет, а в таких таблицах математических выкладок он мог удержаться дольше, чем в актах юридических и документах формального значения. М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков расходятся во мнениях о районах, где было хозяйство, цифрами которого воспользовался составитель вычислений.¹³⁵ М. Н. Тихомиров, основываясь на упоминании в этой вставке «ростовской кади», говорит о земле Ростовской, а С. В. Юшков, используя то же известие о «ростовской кади», имеет в виду Новгородскую землю. Для нас это различие несущественно. Важно единодушие во мнении, что исходным материалом для записи с математическими выкладками о приплоде скота, о прибыли от урожая, о пчелах и т. п. были сведения о когда-то (в конце XIII—начале XIV в.) существовавшем хозяйстве.

Дополнительные статьи о приплоде скота и прибыли от урожая довольно сильно расширяют хронологические рамки существования трехполья в Северо-Восточной Руси. Они позволяют относить его не только к началу XIV столетия, но и ко времени, более раннему.

Мы привели большое число сравнительно ранних известий о трехполье, извлеченных из письменных источников. Все это прямые указания на три поля, на паренину, на одновременное существование озимого, ярового поля и третьего поля, свободного от посева, или на наличие не снятых озимого и ярового хлебов и подготовку к посеву ржи. Эти сведения говорят о существовании трехполья к первой четверти XV в. в столь боль-

¹³³ С. В. Юшков, ук. соч., стр. 134.

¹³⁴ Правда Русская, т. I, стр. 40, 41.

¹³⁵ М. Н. Тихомиров, Исследование о Русской Правде, стр. 480; С. В. Юшков, ук. соч., стр. 135.

шом числе уездов и в разных их районах,¹³⁶ что у нас есть все основания говорить о широком распространении паровой трехпольной системы земледелия к этому времени на всей основной территории Северо-Восточной Руси. В отношении же ряда уездов мы имеем известия о засвидетельствованном трехполье еще в конце XIV столетия.¹³⁷ Чрезвычайно важно отметить, что все это известия о трехполье, которое существует и считается привычным, обыденным. Все наши документы говорят не о начале трехполья, а о том, что оно уже существует, и, быть может, уже очень давно. Разобранные же нами дополнительные статьи в Карамзинских списках «Правды Русской» дают основания предполагать, что трехпольная система земледелия была свойственна ряду хозяйств еще в конце XIII столетия. Причем и в этом случае мы не можем говорить о начале его. Среди последних известий о «третьих полях» у нас отмечены специальные распоряжения администрации митрополичьего дома о мерах строгого упорядочения трехполья, сделавшегося теперь основой земледельческого хозяйства. Одно из них предписывает проверить в вотчине Цареконстантиновского монастыря, в какой мере крестьяне монастыря соблюдают подразделение всего полевого клена пашенной земли на три равные доли; а два других документа являются распоряжениями поверить общие размеры запашки и отдельные размеры запашки каждого из трех полей. Это указывает на то, что трехпольная система земледелия стала обязательной, признана господствующей и как таковая должна соблюдаться. Три же последних выдержки (пп. 19—21 таблицы) из документов указывают на то, что при организованном государственной властью составлении писцовых книг отдельных земель-княжеств, вошедших в конце XV в. в состав Русского централизованного государства, трехпольная система земледелия была признана фактически общераспространенной в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

Материалы конца XV в. ясно показывают, куда шло земледелие в изучаемый нами период и к чему оно пришло. Это не только данные писцовых книг, но и разнообразный и многочисленный актовый материал. Следует также напомнить, что от 1460-х и 1480-х годов имеются летописные записи, в которых трехполье выступает в ярких живых картинах при описании со-

¹³⁶ В ряде волостей Переяславского уезда, в Суздальском и Угличском уездах в ряде районов Костромского уезда, в уездах Юрьевском, Тверском, Пошехонском, Московском, Дмитровском, Волоцком, Рузском, Звенигородском, Вологодском, Коломенском, Ярославском, Радонежском, Новоторжском и др.

¹³⁷ Волоцкий, Рузский, Дмитровский и Переяславский уезды.

стояния зерновых хлебов в некоторые годы со сложной метеорологической обстановкой. Таковы записи в псковских летописях за 1468 и 1484/85 гг. Только признавая наличие трехполья, можно понять и летописную запись в Устюжском летописном своде под 1466 г.: «По всей земли Руской хлеб призябл; ржи инья ушли, а инья призябли, а яровое жито все призябло, сприче ячьмени».¹³⁸

Посевы ржи — это, конечно, посевы озимой ржи. Часть озимых посевов благополучно перенесла осенние заморозки и покрылась снегом, а часть их «призябла», т. е. вымерзла. Яровые хлеба померзли, не успели дозреть, и их не смогли снять. Не померз только ячмень — более устойчивый зерновой хлеб. Трудно представить себе, чтобы автор этой летописной записи, рисуя картину губительного действия ранних морозов на дозревающие зерновые хлеба и на только что взошедшую озимь, имел в виду с трудом находимые, разбросанные среди лесов подсеки. Здесь имеются в виду, конечно, большие пространства полей с зеленоющим хлебом. Но что особенно следует выделить в данном документе — это то, что в летописи Устюжской речь идет о сельском хозяйстве северной области.

Сопоставим это летописное известие с рассказом Псковской третьей летописи под 1468 г.: «Того же лета [1468 г.] ... нача находити дождь силен, грех ради наших, как христиани ржи пожяли, месяца иуля, да тако иде весь месяц бес престани и все лето, и месяца августа и сентября и октября... а у христиан много по полю вершей погнили... тако же и ржеи по селам не засеяли мнози».¹³⁹ Если краткая запись Устюжского летописного свода могла у неверящего в широкое распространение трехполья вызвать желание как-то совместить ее с пахотой в лесу, на подсеке, то подробно расписанные по месяцам в Псковской летописи события на крестьянских полях не оставляют никаких сомнений в том, что мы имеем дело с трехполем. На одном поле, в июле крестьяне уже пожали рожь, как подошел сезон сильных дождей. Они шли около четырех месяцев. От сильных дождей у крестьян «по полю» (в яровых полях) много «вершей», т. е. сжатого и несжатого хлеба, погнило. А на паровых полях «такоже и ржеи по селом не засеяли мнози». Еще более яркими являются летописные записи 1484/85 г. Развертывается картина состояния хлебных полей с июня 1484 г. и до осени 1485 г.¹⁴⁰ Перед нами правильно организованное трехполье. Рассказчик прекрасно знал сельскохозяйственное производство.

¹³⁸ Устюжский летописный свод (л. 6974). М.—Л., 1950, стр. 86.

¹³⁹ Псковские летописи, под ред. А. Н. Насонова, вып. 2. М., 1955, стр. 165.

¹⁴⁰ Там же, стр. 64, 66, 67.

Он имел в виду общую картину состояния сельского хозяйства всей Псковской земли и описал судьбу урожая ржи, посеянной в августе—сентябре и ушедшей в талую землю под снег, судьбу яровых хлебов; он рассказал и о посеве хлебов на озимом и пока еще паровом поле. Приведенные нами летописные записи показывают, что паровая трехпольная система земледелия была привычной, давно вошедшей в практику земледелия Псковской земли.

Материалы о сельскохозяйственном производстве Псковской земли очень ограничены, и нет оснований ставить самостоятельный вопрос о времени распространения полевого пашенного земледелия. Основным источником могут служить лишь псковские летописи, уделяющие, не в пример другим летописям, много внимания жизни широких масс городского (ремесленников и торговцев) и сельского населения (крестьян) Псковской земли. Из многочисленных сведений о политической жизни Пскова и из сведений о состоянии урожаев, о хлебных ценах и рынках можно уверенно сделать вывод о высоком уровне сельского хозяйства в Псковской земле. Основанием служит то, что в Псковской земле, много терпевшей от беспокойных соседей, разорявших ее, разрушавших города, сжигавших села, угонявших скот, — все эти тяжелые раны скоро заживались, хозяйство восстанавливалось. Псковская земля больше других русских земель-княжеств страдала от эпидемий, но в ней всегда находились силы для быстрого оздоровления, возмещения потерь. Бывали недороды, неурожаи. Все же за время самостоятельности Пскова он не знал голодовок. Хлебный рынок Пскова был на высоком уровне, цены колебались, но в псковских летописях нет сообщений о гибели населения голодной смертью, что часто встречается в известных землях-княжествах Северо-Восточной Руси, что неоднократно бывало в Новгороде. Маленькая Псковская земля находила возможность выделять большие материальные средства на оборону страны, на защиту своих границ, на содержание наемных военных княжеских дружин. До последних дней самостоятельности Пскова в центре его, в Кромах (в Кремле), имелись запасы продовольствия на случай войн и невзгод. Это дает основание полагать, что в Псковской земле земледелие развивалось быстрыми темпами, не отставая от общего процесса его роста в центральных районах Северо-Восточной Руси.

Мы ставили задачей проследить общий процесс развития земледелия в древней Руси, подразделить его на отдельные этапы. По этим этапам делали и некоторые общие выводы. В качестве основного итога мы можем указать на то, что в изучаемый нами период — с конца XIII до конца XV в. — в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси идет процесс развития пар-

вой системы земледелия, а вместе с тем и процесс вытеснения огневого подсечного земледелия. Успехи на этом пути были общими важными показателями в развитии народного хозяйства. Мы можем говорить о широком распространении полевого (парового) пашенного земледелия в Северо-Восточной Руси к 1370—1380-м годам; но приходится считать, что практика разработки подсеков в дополнение к полевой пашне в это время была обычной для земледельцев лесной полосы. Со второй четверти XV в. наблюдается широкое распространение паровой трехпольной системы земледелия и господство его в большинстве земель-княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Ко второй половине XV в. успехи в земледелии — повсеместное распространение и господство паровой трехпольной системы — означали высокий подъем сельского хозяйства.
